

Незнакомка
с тысячью
лиц

детективная мелодрама

РОМАНОВА
ГАЛИНА

Галина Владимировна Романова

Незнакомка с тысячью лиц

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9066229

Галина Романова. Незнакомка с тысячью лиц: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-77802-7

Аннотация

Егор Муратов, живущий напротив старинного двухэтажного дома, был твердо уверен, что дом со дня на день снесут, но вдруг там появляются очень странные жильцы. Так как вечерами Егору делать нечего, от скуки он начинает наблюдать за поселившимися в развалюхе людьми и однажды видит, как в комнату одного из них – Академика – является убийца. Разглядеть подробности Егору не удастся, но он замечает, что у убийцы рыжие волосы. Такие же волосы у соседки Академика – красавицы Ольги...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галина Романова

Незнакомка с тысячью лиц

© Романова Г.В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

В оформлении обложки использована фотография: Elaine Nadiv / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

* * *

– Если понадобится, ты убьешь их!!! – орал мужчина на парня, стоящего перед ним навтыжку. – Всех!

– Всех??? – ахнул парень, и глаза его наполнились первобытным ужасом. – Всех-всех???

– Всех, я сказал! И мне плевать, как ты это сделаешь, понял?! Ты и так... и так во всем виноват, – закончил мужчина не совсем уверенно.

И неожиданно надолго замолчал.

Он увидел свое отражение в сверкающей чистотой стеклянной дверце книжного шкафа. И собственное отражение показалось ему жалким. Жалким в сравнении с дорогими корешками редких изданий. Жалким в сравнении с той сверкающей чистотой, что царила в его кабинете. Да и высокому крепкому парню, что стоял теперь перед ним с испуганно вытаращенными глазами, он проигрывал. Был он мелковат ростом, полноват в талии и бедрах, качественно лыс и некрасив лицом.

Он был богат, чрезвычайно богат, хотя и не выставлял напоказ своего достатка никогда. Зачем? Плодить вокруг себя зависть? Это очень опасно, очень.

Он мог покупать любовь красивых женщин, но не покупал. Зачем? Это все фальшивка. Он же точно знает, что никто не станет любить его просто так, без денег. Так стоило ли тратить деньги на ложь?! Это тоже очень опасно, очень.

Его страстью были и оставались чужие тайны! Вот что любил он больше всего, вот чему посвятил свое свободное от зарабатывания денег время. А потом вдруг оказалось, что на чужих тайнах можно запросто зарабатывать. Да еще как! И это сделало его почти счастливым.

Он жил себе, жил, богател, покупал дома, квартиры, катера и был почти доволен своей жизнью, пока однажды дорогу ему не перешел точно такой же, как он, собиратель чужих секретов. Мало того что он обошел его уже трижды, так еще посмел высмеять его на одном из званых вечеров, причем публично!

И он поклялся самому себе и этому высокому парню, что стоял теперь перед ним навтыжку, – единственному, кому доверял, – что обойдет нахала. Да так обойдет, что тот не оправится до скончания лет.

– Но как, разве вы сможете? – усомнился тогда его помощник. – Он крутой! Крутой и неуязвимый.

– Э-э-эх, Паша. – Он потрепал своего помощника по вихрастой башке, потому что тот в то время сидел за рулем, иначе бы не достал. – У любого крутого есть свои грязные тайны. Поверь мне, есть! И эти грязные тайны могут превратить любого неуязвимого и крутого в слизняка. В ничтожество! В пустое место!

– И у вас получится? Ну, в смысле, найти эту тайну?

– Получится, Паша. И я даже знаю, где искать!..

И все складывалось отлично. Просто замечательно все складывалось. Он узнал, что это может быть. Узнал, где это может быть. И был уверен в этом почти наверняка. И ему даже отвели время на то, чтобы он действовал по собственному усмотрению. Ему позволили делать так, как ему это было нужно.

И тут бац, хрясь, препятствие!!! Да такое, что и во сне не привидится!

– Геннадий Иванович, но там же дети, – неуверенно качнулся в его сторону большим крепким телом Паша. – Двое пацанов.

– Плевать! Если не сможешь очистить территорию без убийства, убей!!! – И тут же, восстановив дыхание, проворчал: – Нет, конечно. Это я так. Никакой крови, Паша. Но работай уже, работай, Паша...

Глава 1

Старый двухэтажный дом, на который выходили окна его квартиры, был полон старых шорохов.

Так ему казалось.

Все в нем трещало, подсвистывало, скрипело. Он, как немощный старик на артроз, жаловался на побитые жуком-короедом стропила, едва выдерживающие обновленную много лет назад кровлю. На старые полы, гуляющие под тяжелой поступью. На глубокие трещины в углах, рвущие шпатлевку и обои в клочья. Дом жаловался на ветер, который бессовестно лез в старые окна с растрескавшимися рамами, позванивал стеклами. Ветер нагло врывался в замочные скважины старых дверей, шевелил портьеры на окнах, а иногда и перерывал страницы распахнутых книг.

Старый дом устал от своей старости. Устал нести фасадное величие прошлого века и потихоньку мстил, отваливая куски красивой лепнины и разрушая лестничные марши.

Так ему казалось.

Когда-нибудь он просто рухнет. Сложится, как карточный, обнажая старый сгнивший остов. И придавит всех, кто зачем-то в нем поселился. Дом был обречен, и все об этом знали. И долго, очень долго, лет пять или семь, он был необитаем, глаза на улицу черными провалами заколоченных окон. В нем даже бездомные не селились. Почему? Никто не знал. Дом почти не охранялся, хотя и слыл исторической ценностью. Но это казалось ему сомнительным. И дом даже накрывали зеленой сеткой, намереваясь то ли реставрировать, то ли сносить.

Потом вдруг сетку содрали, и он подумал, что скоро будет снос. И заранее морщился, представляя грохот, груды старых надломанных кирпичей, столбы пыли. И даже планировал уехать куда-нибудь на то время, пока станут рушить историческую ценность. Чтобы вернуться уже к огороженной территории, на которой кто-нибудь – предприимчивый – затеет строительство торгового центра или автомобильного сервиса.

Но в доме вдруг появились жильцы. Это было так неожиданно, что он было подумал, что выпил лишнего в ночном клубе. И даже несколько раз закрывал и открывал глаза, когда обнаружил несколько окон светящимися. Но видение не пропадало. В доме в самом деле поселились люди.

Их было немного. На первом этаже слева и справа от центрального входа оказались заняты две комнаты. И три комнаты на втором.

Вообще-то из исторических архивов их города он узнал, что раньше этот дом принадлежал какой-то знати, то ли купцу первой гильдии, то ли князю, или даже кому-то из графского сословия. Точно никто не ведал фамильной принадлежности. Вот не сохранилось ни единого документа в архиве, и все.

После революции дом этот несколько раз менял хозяев и свое назначение. То был складом, то библиотекой, то Домом культуры. Это уже после войны, в начале пятидесятых, его громадные комнаты и залы разгородили на коммунальные клетки, подвели коммуникации и заселили. Одновременно в нем могло жить до пятидесяти человек, так уплотнили проживание.

Теперь вот было обитаемо всего ничего.

Слева от входа поселилась пожилая женщина. То ли больная, решил он, то ли сильно пьющая. Она редко вставала с кровати, которую поставила у самого окна и которая великолепно просматривалась через ее незанавешенные окна с его третьего этажа. Когда она вставала, то шаткой походкой двигалась куда-то прочь из комнаты. Отсутствовала, как правило,

минут сорок-пятьдесят. А когда возвращалась, походка ее становилась еще более шаткой и неуверенной.

Пьет, решил он через пару недель, не заметив никаких хлопот по дому в плане смены постельного белья или уборки. И назвал женщину Синяк.

Справа от входа поселилась девушка. Молодой она была или не очень, он не мог понять. Но она была одинокой. Очень одинокой! К ней никто не приходил, ее никто не провожал. Утром она вставала почти одновременно с ним. Свет в ее занавешенном окне загорался в ту же минуту, что и в его окнах. Через полчаса свет гас, девушка выходила на крыльцо в клетчатом пальто до колен, в высоких сапогах и с сумкой через плечо. Голову она не покрывала никогда. Даже в лютую непогоду. И он мог наблюдать до самой автобусной остановки, как развеивается на ветру ее рыжая грива.

Возвращалась она почти всегда в одно и то же время – в восемнадцать тридцать. Вспыхивал свет в ее окнах. Она проходила, не разуваясь, на середину комнаты, где у нее стоял круглый стол, не накрытый скатертью. Ставила на стол покупки, они у нее случались раз в три дня. Садилась к столу и сидела неподвижно долго, иногда очень долго. Потом вставала, подходила к окну и сдвигала портьеры. К слову, портьеры были так себе. Они просвечивались. И он мог наблюдать, когда ему этого хотелось, за жизнью девушки.

Очень скучной жизнью она жила, сделал он вывод через пару недель. После того как занавешивались шторы, девушка раздевалась почти догола. Оставшись в одном белье, она влезала в спортивный костюм, обувала на ноги то ли валенки, то ли войлочные сапоги, куталась в громадную шаль и забивалась в угол широкого дивана, занимавшего большую часть ее комнаты.

Когда она ест? – недоумевал он. Он никогда не видел ее с тарелками. Она что-то пила из чашек, может, чай или кофе, но никогда не ела дома. Даже бутербродов! И просиживала вечера напролет либо перед телевизором, либо с книгой.

Дура и Курица, решил он через месяц, не зная, какое лучше подойдет ей прозвище.

На втором этаже, прямо над квартирой Синяка, жила семья малахольных: отец, мать и двое сыновей-подростков. Они не занавешивались, решив, что с улицы их второй этаж совершенно не просматривается. То, что старый дом был зажат с двух сторон многоэтажками, откуда их жизнь можно было наблюдать как на ладони, их совершенно не заботило. Мать бродила по комнате порой в чем ее родили – это когда детей не было дома. Папаша так вообще даже сыновей не стеснялся.

Жили они шумно, заполошно и суетно. Малахольные, решил он через две недели и перестал смотреть на их окна совсем.

Рядом с их квартирой располагалась квартира Неизвестного. Он по-настоящему интриговал его, ухитрившись ни разу не попасться ему на глаза. В окнах горел свет, предметы переставлялись с места на место: двигались стулья, кресло, появлялась и исчезала посуда со стола, но самого жильца он ни разу не видел. И шторы были, как назло, глухими. Ничего сквозь них не было видно. Ничего! Не то что у Курицы. Неизвестный и на выходе не встретился ему ни разу. Как он попадал в дом и как из него выходил, оставалось для него тайной.

А прямо над квартирой Курицы жил одинокий старик. Вот кто был ему по-настоящему симпатичен. И он даже прозвище ему придумал достойное – Академик!

Просторная комната старика была уставлена книжными полками, забитыми книгами, чертежами, громадными альбомами, которые он вечерами с удовольствием рассматривал. У дальней стены, слева от входа в его комнату, стоял скромный диванчик, накрытый клетчатым пледом. У окна – громадный, как остров, письменный стол. В углу стола стояла настольная лампа под огромным красным абажуром. Рядом лежала лупа в футляре и непременно раскрытая книга. Каждый вечер Академик включал настольную лампу, пододвигал к столу кожаное кресло. Усаживался в него, набросив на плечи клетчатый плед с дивана. Брал в руки

книгу и лупу и читал. В середине вечера он мог неожиданно прервать чтение, подойти к стеллажу, выдернуть тубус с чертежами, развернуть их на столе и подолгу их рассматривать тоже сквозь лупу. Потом чертежи сворачивались, убирались обратно в тубус и на стеллаж. Чтение возобновлялось.

Старик нехитро питался, аккуратно прибирая потом крошки со стола в ладонь, согнутую ковшиком. Часто варил кофе на спиртовке, которая стояла у него на подоконнике.

Окон он никогда не занавешивал, потому что у него не было штор вообще.

Вот и все. Все жильцы, странным образом появившиеся в доме и невольно привлечшие его не занятое ничем внимание...

Телефон!

Он вздрогнул, отвернулся от окна, у которого стоял уже полчаса, посмотрел на аппарат на барной стойке. Телефон звонил восьмой раз за вечер! Кто может ему звонить так часто? Что от него могло быть кому-то нужно? В девять тридцать вечера!

Те люди, которые могли так надоедать ему, вернее, могли осмелиться так надоедать, теперь для него не существовали. Они уехали далеко. И они для него умерли. Навсегда!

Телефон захлебывался в истощном треньканье, не думая замолкать. Егор с сожалением глянул на старинный дом с пятью освещенными окнами, поставил на подоконник широкий стакан со скотчем и пошел к телефону.

Стакан на подоконнике был его хитростью. За ним надлежало вернуться. А вернувшись, он снова станет наблюдать чужую жизнь в старом доме. Стыдно признаться, но с некоторых пор это стало для него небольшим развлечением. Он даже диалоги придумывал для жильцов, придумывал им истории, неурядицы, проблемы, помогая потом их разрешать.

Может, он сходил с ума от одиночества?

Егор протянул руку к телефону и тут же подумал, что его одинокая жизнь ничуть не хуже одиночества рыжей девицы, забивающейся каждый вечер в угол дивана, как на насест. Курица!

Нет, у него все не так. У него своя фирма, пускай и небольшая и с весьма скромной прибылью, но все же это лучше, чем ничего. У него прекрасная квартира, которую он уже выкупил и обставил по своему вкусу. У него большая черная машина, которую он очень любит и ласково называет Жучок. У него отдых случается два, а то и три раза в году. И еще у него намечаются отношения с красивой девушкой по имени Света.

Нужны ему были эти отношения или нет, он пока не определился. Инициировала их роман Света. Он пока сопротивлялся, но с каждым днем все более вяло и неактивно. И в пятницу, к примеру, они договорились созвониться и сходить куда-нибудь.

Сегодня был вторник.

– Да! – рывкнул он в трубку, намеренно показывая, что раздражен восьмым за вечер звонком.

– Егор... Егор, это я...

Знакомый голос с легкой хрипотцой, который, он искренне надеялся, больше никогда не услышит, прошил его мозг огненной строчкой. В желудке сделалось пусто и холодно, во рту сухо и горько. А сердце – вероломный предатель – тут же восторженно заметалось.

Она позвонила?! Что-то не так с ее безоблачным счастьем?! В чем-то подвел ее любимый?! Не выдержал проверки, не выдержал сравнения с ним – с Егором?!

– Егор?! – поднялась интонация до тревожного вопроса. – Это ты?

– Да, – ответил он, стараясь, чтобы голос не дрожал и не сипел. – Это я, Лена.

– Господи, слава богу! – выдохнула она так, как могла только она одна выдыхать, когда радовалась, когда любила его. – Я уже подумала, что ошиблась номером. Звоню, звоню весь вечер. Никто не отвечает...

Она замолчала. Он должен был, наверное, сейчас спросить, как ее дела. Или что она хотела. Но он молчал. Он растерялся. Он не знал, как нужно вести себя, если она сейчас снова начнет свои штучки. Она была на них мастерицей, его бывшая девушка Лена, сбежавшая от него с его близким другом, почти что братом. Она могла заговорить сейчас его до обморока и уже к утру оказаться снова в его кровати.

А завтра...

А завтра могла снова сбежать от него с кем-нибудь еще! Ведь если звонит, значит, с Леной у нее ничего не вышло. Так? Тот не оправдал ее ожиданий. Оказался как раз таким, каким он был всегда – бестолковым, бесшабашным повесой. Лена увлеклась, но потом поняла и теперь жаждет вернуться к Егору – верному, надежному, стопроцентно любящему только ее и...

– Егор? Чего ты молчишь?! – с надрывом спросила Лена.

– Лена, это ты позвонила, не помнишь? Тебе, наверное, есть что мне сказать? – неожиданные слова, вырвавшиеся у него, так ему понравились, что он продолжил в том же духе: – Если есть, говори. Мне несколько неловко сейчас беседовать.

– Ты не один?! – догадливо ахнула Ленка. – Ух ты! Муратов... Ты... Ты быстро утешился!

Вообще-то прошло уже полгода, как его девушка и его друг сбежали. И эти шесть месяцев стали для него сущим кошмаром. Поначалу он не мог даже разговаривать. Почти все время молчал, раскрывая рот лишь на коротких совещаниях и при объяснениях с гибэдэдэшниками, когда те останавливали его за нарушения. А он в ту пору часто нарушал. Он даже в кафе и ресторанах молча тыкал пальцем в меню и согласно кивал.

Он почти не разговаривал. Не мог. Боялся, что завоет.

Он почти не думал тогда о себе и о ней, старательно забивая мозг всем подряд. К примеру, начал придумывать истории людей, поселившихся по соседству. Он боялся свихнуться, потому и не думал, и не анализировал. Боялся свихнуться от боли. Потом привык. Вернее, свыкся.

И тут она звонит!

– Лена, что ты хотела?

Егор оглянулся на стакан со скотчем на подоконнике. Ему очень хотелось взять его в руки и, лениво потягивая элитный алкоголь, презентованный ему недавно, ни о чем тревожном не думать. Просто смотреть в окно и наблюдать. И уж, конечно, ему не хотелось говорить сейчас с Леной, хотя душа ныла болезненно и сладко от звука ее голоса.

– Егор... Ты так изменился, – выдавала вдруг его бывшая девушка. – Раньше ты...

– Меня больше нет, Лена, – перебил он ее.

– Но как нет? Ты же со мной говоришь, Егор, – возразила она, считая себя вполне логичной.

– Меня прежнего нет, – пояснил он.

И тут же подумал, что ему ведь прежде не раз приходилось ей разжевывать по несколько раз некоторые прописные истины. И он никогда не считал ее тупой. Считал себя неспособным правильно и понятно изъясняться. А она была милой, непосредственной, наивной и очень желанной.

– Меня прежнего нет, Лена, – повторил Егор и тут же привычно начал объяснять: – Такого, как раньше. Я другой, Лена. Стал другим.

– Че ты мне разжевываешь-то, я не тупая блондинка! – фыркнула она и тут же поспешно добавила: – Я просто блондинка!

– Лена, ты позвонила мне. Что-то случилось? – решил он немного помочь ей и снова покосился на широкий стакан со скотчем на подоконнике. Он притягивал его, как магнит. И

еще больше его притягивало окно, точнее, действо за окном. Вернее, за окнами старинного дома.

Что они делают – его обитатели? Чем теперь заняты? По-прежнему ли спит, укутавшись в груды тряпья, пожилая женщина? Снова забилась в угол дивана с книжкой рыжеволосая девушка, или все же напросился к ней кто-нибудь в гости, и они теперь пьют чай, усевшись за ее круглым столом? Незнакомец? Он явит свое лицо ему сегодня или нет? А Академик? Он сегодня чем занимается? Продолжил читать свою книгу? Или изучает чертежи? Или рассматривает огромные альбомы в старинных переплетах?

Он не следил за ними, нет! Упаси господи!!! Нет!

Он за ними наблюдал. Это наблюдение стало неотъемлемой частью его свободных вечеров. Жильцы старинного дома, долгие годы готовившегося к сносу, сами того не подозревая, стали его знакомыми. Занятыми, удивительными, банальными, загадочными...

– Егор, я хотела поговорить с тобой, – произнесла Лена неуверенно. – Ты выслушаешь?

– Говори, только недолго, – попросил он и пожалел, что не купил телефонный аппарат со съемной трубкой и теперь вынужден быть прикован к крохотному пятачку у барной стойки в кухне. – Я занят.

– Понимаю.

Лена вздохнула глубоко и протяжно. Потом еще раз и еще. Егор насторожился. Она как будто набирала воздуха перед прыжком. Так она дышала, когда сказала, что уходит.

– Лена, что?

У него противно заныло в желудке. То ли от спиртного, то ли от предчувствия.

– Егор, я хотела бы вернуться, – быстро, почти скороговоркой, выпалила она и заплакала.

– Лена, нет!!!

Егор швырнул трубку на аппарат, следом выдернул телефон из розетки, прижался к стене и с силой зажмурился.

Господи, нет, пожалей его!!! Только не это!!! Прости его, Господи, за то, что просил об этом много, много раз!!! Прости! Воистину, надо бояться своих необдуманных желаний! Не надо просить того, о чем потом пожалеешь!

Егор сполз по стене на пол, сел, вытянув ноги.

Ленка, Ленка... Что ты натворила? Зачем ты поломала все, сбежав буквально из-под венца? Они же собирались пожениться! Присматривали кольца, строили планы. Мечтали о чем-то банальном, но милом. А она взяла и сбежала с Леной. С его лучшим другом!

– Значит, друг был не лучшим, и девушка так себе, – вынесла приговор Света, когда он жаловался ей как-то под рюмку водки. – Понимаете, Егор. – Они тогда еще были на «вы». – Понимаете, это даже хорошо, что они сделали это с вами теперь. Много хуже было бы, проживи вы с ней несколько лет, прирасти душой и телом. Нарожайте вы детей. Вот была бы трагедия. А так... Это просто неприятность!

Просто неприятность. Неприятность!

Его лучший друг, с которым дружил с детского сада, вместе окончил школу, вместе учился в университете, который предал его, – это неприятность. Его девушка, которую любил пять лет, с которой жил, спал, на которой хотел жениться и которая его бросила, – неприятность.

Честно? Он тогда счел Свету душой. Хорошо, промолчал. Он тогда много молчал. Это помогло не обрести врагами, потому что людей он тогда люто ненавидел, почти всех. И помогло сохранить со Светой нормальные отношения. Приятельские. Теперь вот она хочет перешагнуть этот приятельский рубеж и двигаться дальше в романтическом направлении, а он не знает, что делать.

Тут еще Ленка...

Егор поднялся с пола, подошел к подоконнику, взял в руки стакан с виски и глянул на дом.

Привычная картинка. Пожилая женщина спала, закутавшись в тряпье и не выключив света. Рыжая девушка сидела в углу дивана, положив голову на подтянутые к подбородку колени. Семейка малахольных сновала по комнате, как тараканы по обеденному столу. В окне Неизвестного света не было. Академик читал книгу, медленно водя лупой над страницами. На подоконнике на спиртовке стоял крохотный кофейник. Варился кофе.

Егор сделал медленный глоток виски. Надо было гасить свет и ложиться спать. Он привык к режиму в будние дни: отбой не позже двадцати трех. Привык без Ленки. Когда жил с ней, уснуть раньше часа ночи не выходило. Сейчас все изменилось. Все стало другим. Сейчас он находит интересным наблюдать за чужой скучной жизнью за чужими окнами.

Бред!

– Бред, – проворчал он, отворачиваясь от окна. – Бред и сумасшествие!

Егор ополоснул стакан, поставил его на полку, выключил свет в кухне и решил, что перенесет свидание со Светой с пятницы на среду. Иначе он точно свихнется, придумывая истории для жильцов дома.

У них же там день похож на день! Час на час и минута на минуту! Что могло в их жизни произойти интересного? Ничего из того, что он придумал неделю назад.

По его версии, Неизвестный от кого-то скрывается. Рыжая девица обманута любовником и переживает теперь душевную трагедию, забываясь каждый вечер в угол дивана. Пожилую женщину выгнали дети, и она от горя запила. Отец суетливого бестолкового семейства проиграл в покер квартиру, и они вынуждены теперь жить в таком месте. А Академик...

Этот высокий седоволосый мужчина, посвящающий каждый вечер изучению чертежей, чтению книг и рассматриванию старинных альбомов, скорее всего, был жестоко обманут риелторами. А как еще? По какой причине образованный человек мог на старости лет оказаться в этом дряхлом строении? Скорее всего, затеял обмен и остался вовсе ни с чем.

Егор, подавляя желание глянуть в окно еще разок перед сном, ушел с кухни принимать душ. И не увидел, как дернулась и напряженно выпрямила спину рыжеволосая девушка, с опаской оглянувшись на дверь. И одновременно с ней, пускай и без такого испуга, оглянулся на дверь ее сосед сверху. И даже вечно пьяная и спящая дама приподняла голову со странного комка, служащего ей подушкой, и прислушалась.

Ничего не слышала за домашним гвалтом лишь суетливая семейка. Да в комнате Неизвестного по-прежнему было темно. Хотя непроницаемые шторы на окнах вздувались пузырями. Но это ведь не иначе как ветер, так?..

Глава 2

Старый дом был полон старых шорохов.

Она их все выучила наизусть за те три месяца, что вынуждена была тут жить. Она знала, как гремит оторвавшийся лист железа на ветру. Знала, как скребутся мыши под половицами. Знала, что именно Зинаида Васильевна ходит сейчас по общему коридору, на ощупь отыскивая дверь в общую уборную. Она была почти слепой, эта бедная старая женщина. Брошенная всеми на произвол судьбы, она отчаянно боролась за право жить на свободе, а не в интернате. Она не надоедала социальным службам, не просила помогать ей соцработникам. Она целыми днями не выходила из своей комнаты и, кажется, постепенно спивалась. Оле казалось, что она слышит запах гниющей плоти, и запах этот идет из комнаты Зинаиды Васильевны.

Она пыталась ей помогать, вызывалась ходить за покупками или убрать комнату. Женщина отказалась.

– Вон отсюда! – ткнула она грязным пальцем ей почти в глаз. – Убирайся!!!

Больше Оля попыток не предпринимала. Просто узнавала в шорохах старого дома ее шаркающую поступь, делала вывод, что женщина все еще жива и бить тревогу рано. И все.

Над Олей, на втором этаже, жил Всеволод Валентинович Агапов. Когда-то он был какой-то значимой фигурой. То ли знаменитым искусствоведам, то ли известным археологом. Она точно не знала. Могла лишь догадываться по его алчному интересу ко всему, что касалось раскопок и предметов старины, представляющих собой историческую ценность. Он мог часами говорить об этом, не заботясь вниманием слушателей.

Олю его рассказы утомляли. И если честно, она его считала немного чокнутым. Выживший из ума старик, считающий, что основную массу кладов на земле человечество еще не нашло. Но его медленная поступь над ее головой, как ни странно, действовала на нее успокаивающе.

Это было много лучше беготни четырех пар ног сумасшедшей семейки Зотовых, вознамерившихся, кажется, развалить старинный дом задолго до их переезда.

И куда лучше крадущихся шагов неизвестного жильца, которого никто из них ни разу не видел.

– Мне без разницы, кто живет рядом с нами, – брызгала слюной Зотова-старшая. – Лишь бы не докучал!

– Оленька, он маленький, тихий человек, зачем вам знать, кто он? – недоумевал Агапов. – Мы все скоро разъедемся по адресам и... и вы даже не вспомните, кто он! Вы и обо мне забудете! Ведь забудете, так, Оленька? Забудете? Признайтесь...

Признаваться в том, что она забудет всех на второй минуте, как она отсюда съедет, Ольге не хотелось. Она была хорошо воспитанной, поэтому вежливо улыбалась и бормотала:

– Ну что вы, Всеволод Валентинович. Как можно вас забыть?

Она хотела их всех забыть. Очень хотела. Как только она забудет их, она забудет, почему была вынуждена жить в старом дряхлом доме, полном старых шорохов, некоторые из которых ей казались жутковатыми. Крадущиеся шаги неизвестного жильца особенно! И сейчас. Что это?! Стон? Плач? Вой ветра?

Оля выпрямила спину, вытянула шею, повернула голову в сторону ветхой двери, прислушалась. Господи, ну точно, будто кто-то стонет! Протяжно, страшно. Скорее воет даже! Неужели ветер способен так выводить, облизывая старые стены коридоров и забираясь на чердак?! Это точно не ветер!

Оля свесила ноги, обутые в старенькие тонкие валеночки, с дивана. Напружинившись, встала. И на цыпочках прошла до двери. Наверху, над ее головой, Всеволод Валентино-

вич сделал то же самое. Потом со скрипом приоткрылась дверь Зинаиды Васильевны, и ее жесткий неприятный голос крикнул:

– Кто здесь?!

Дверь над Олиной головой тоже открылась. Значит, Агапов решился повторить подвиг Зинаиды Васильевны и выглянуть ночью в общий коридор. Вообще-то никто из них ночами из комнат не выходил. Все старались посетить душевые и уборные до наступления глубокой темноты. По умолчанию! Даже Зотовы, которым было плевать на все. Никто не выходил, кроме неизвестного жильца. Его осторожные шаги Оля слышала порой и далеко за полночь, а однажды и под утро.

Вой повторился. И Зинаида Васильевна снова задала свой вопрос:

– Кто здесь?!

Ей никто не ответил. Но к ее вопросу присоединил свой и Агапов.

– Эй! – крикнул он странно не вязавшимся с его старостью звонким громким голосом. – Кто здесь?!

Оля, немного осмелев, крутанула головку замка, высунулась в коридор, кивком поприветствовала Зинаиду Васильевну. Та ответила тоже кивком.

– Всеволод Валентинович! – громко позвала Оля.

– Да, Оленька? – под его тихой поступью взвизгнули половицы общего коридора второго этажа. – Вы тоже слышали?

– Слышала! – пожаловалась она.

– Давайте посмотрим, – вдруг предложила Зинаида Васильевна.

– Зачем?! – ахнула Оля. – Лучше полицию вызвать.

– На предмет чего, Оленька? – На лестнице показались тупые носы войлочных домашних туфель Агапова, он спускался. – Скажем, что в доме кто-то воет? Посмеются, поверьте. И еще и оштрафуют за ложный вызов.

– Ваши предложения? – Оля сделала неверный шаг из комнаты, покидать которую в этот час ей дико не хотелось.

– Давайте посмотрим! – продолжила настаивать Зинаида Васильевна.

Она громко хлопнула своей дверью, подошла к Оле, оглядела ее с головы до ног, чему-то удовлетворенно кивнула. Глянула на старика, спустившегося к ним, и неожиданно стыдливо потупилась.

В отличие от нее – пропахшей несвежим бельем и перегаром – Агапов выглядел франтом. На дворе поздний вечер, близится ночь, а он в белой сорочке с закатанными до локтя рукавами, домашних фланелевых брюках мышинного цвета, гладко выбрит и хорошо причесан. И от него пахнет пускай и дешевым, но все же каким-никаким одеколоном. Глаза горят азартом, движения, вопреки обыкновению, порывистые. И не скажешь, что старику за семьдесят. А ей еще и шестидесяти нет, а она уже развалина.

– Давайте посмотрим, – согласился Агапов, согнул левую руку кольцом, предлагая ее Оле. – Мне кажется, что кто-то воет с лестницы черного хода.

– Черного хода?! – удивилась девушка.

Она успела запереть комнату на ключ, взяла Агапова под руку и пошла с ним вместе следом за Зинаидой Васильевной, воинственно пробивающей себе путь среди рухляди заброшенного дома. Ее походка странным образом преобразилась. Старая женщина больше не шаркала, шла уверенно и широко. Попутно на шаривала на стене выключатели, щелкала ими. Зажглось всего три лампочки из семи. Но и их оказалось достаточно, чтобы осветить длинный узкий коридор, ведущий к черному ходу, о котором Оля не имела ни малейшего представления. Она вообще не знала, как был устроен этот дом. И не желала знать. Она надеялась на скорый переезд, все!

– Да, тут есть черный ход. Это дом бывшего начальника Тайной канцелярии, – рассказывал Агапов, осторожно переставляя ноги в войлочных домашних туфлях, пробираясь сквозь мусор. – У него очень нехорошая репутация, очень!

– У начальника Тайной канцелярии?

Оля уже пожалела, что пошла с ними. Ее милые валеночки запылились, тонкая подошва не защищала от россыпи мелкого щебня, и пару раз ей было откровенно больно наступать. Решила терпеть. Ради стариков.

– У начальника Тайной канцелярии была репутация безжалостного палача. Говорят, его именем пугали детей. Когда он шел по улицам, утверждают, многие закрывали окна ставнями! Но я имел в виду репутацию этого дома. Его дома!

– Что? – Зинаида Васильевна вдруг остановилась, глянула на Агапова с кривой ухмылкой, безобразно исказившей ее лицо. – Проклятое место?

– Вы практически угадали, Зинаида Васильевна, – обрадовался Агапов, помогая Оле перешагнуть через груды картонных ящиков. – Это место имело дурную славу. Его потом после смерти хозяина никто не хотел покупать. Так и стоял он заколоченным. Болтали о привидениях. Будто бродят по дому души насмерть замученных начальником Тайной канцелярии людей. Будто слышат в округе вой, стоны, крики. Хотели даже сжечь дом, но никто не осмелился. Все боялись стать проклятыми. Так и стоял он, пока господа революционеры не превратили его в хлев. Потом...

– Смотрите! – перебила его Зинаида Васильевна, тыча пальцем в угол перед дверью черного хода. – Кто же такое мог сотворить, Господи???

В углу в луже крови лежала умирающая собака. В брюхо был воткнут прут арматуры, а на морду ей было надето цинковое ведро, проржавевшее до дыр. Собака скулила, подвывала. Звук искажался стенками старого ржавого ведра, казался почти мистическим и мало напоминал звериный.

– Изверги, – проговорил Агапов без особого чувства и тут же потянул женщин с этого места в обратную сторону: – Идемте, идемте, это всего лишь собака. Оленька, что с вами?

Она не слышала, как он зовет ее по имени. Не ощущала на своих щеках звонких пощечин Зинаиды Васильевны, а была та с удовольствием – ее задело, между прочим, что старик не ей предложил руку, а этой рыжей надменной красотке.

– Ну вот, уже лучше, – пахнула Оле в лицо перегаром Зинаида Васильевна, отошла на метр, покачала головой: – Какие мы нежные, скажите, пожалуйста! Собаку хулиганы замочили, а она уже в обморок собралась падать. Э-ээх, молодежь! Не то что мы, старая гвардия, так ведь, сосед?

Агапов в растерянности стоял чуть поодаль. Он то и дело переводил взгляд с бледной до синевы Ольги в сторону собаки, которая к тому моменту уже подохла и перестала выть.

– Вы в порядке, Оленька? – спросил он, снова предлагая ей руку. – Может, вызвать «неотложку»?

– Нет-нет, не нужно «неотложки».

Она с благодарностью вцепилась в руку старика, медленно побрела по заваленному мусором коридору. И, уже поравнявшись со своей дверью, предложила:

– Может, следовало вызвать полицию?

– Полицию? – Агапов недоуменно вывернул нижнюю губу. – Не думаю, что это хорошая идея.

– Почему? – Оля судорожно облизала пересохшие губы. – Кто-то сотворил это злодеяние. Кто? Пусть найдут!

– Совсем, да? – заскорузлый палец Зинаиды Васильевны покрутился возле виска. – Людей убивают, они не ищут. А тут собаку кто-то заколол! Подумаешь... Еще нас и обвинят.

– Почему нас?! – ахнула Оля, плотнее кутаясь в шаль. – Мы ни при чем!

– Докажи им, умница, – хмыкнула соседка, закатила глаза ко второму этажу. – Наверняка сыночки этих жильцов это сотворили. Больше некому. Их что-то сегодня и не слышать. Родители топают, а пацанов не слышно. Точно они. А как на них заявишь? Их папаша тут же нас на фарш порубит! Он такой!..

– Да-да, полностью с вами согласен, – закивал Агапов, выпуская руку Ольги из своей возле ее двери. – Негоже из-за бездомной животины на людей клеветать. Мало ли, кто хулиганит! Дом необитаем.

– Но мы тут живем, – возразила Оля слабым голосом, ее сильно тошнило, и хотелось в уборную, но пойти туда сейчас одной было выше ее возможностей. – Окна светятся.

– С другой стороны дома наших окон не видно, – встряла снова Зинаида Васильевна. – Кто-то мог нахулиганить, собаку подбросить и смыться. Кого искать-то станут, скажи, умница? Нас замордуют, и только. В общем, вы как хотите, а я... а я спать.

Она скупо простилась и ушла к себе, громко захлопнув дверь. Агапов еще постоял минутку, что-то бормоча про необъективность некоторых представителей правоохранительных органов, способных испортить жизнь, и ушел наверх. Оля тоже помялась возле своей двери и все же решила пойти в уборную. Там она долго умывалась, полоскала рот ледяной водой и смотрелась в осколок старого зеркала над мраморной раковиной, которую не смогла уничтожить ни одна власть.

На нее смотрело бледное лицо рыжеволосой тридцатилетней красавицы с превосходно очерченными скулами, милым носиком, зелеными глазищами в пол-лица и ярким тонкогубым ртом. И лицо этой красавицы мученически корчилось, стоило вспомнить бедное животное, издававшее страшные стоны. И тут же вспоминалась совершенно другая история, более жуткая, знать о которой не мог никто. Это была очень старая, очень дикая история. Она о ней почти забыла. Ее заставили о ней забыть. И тут вдруг...

– Прекрати! – приказала она себе и плеснула в лицо очередную порцию ледяной воды. – Это просто... Это просто чья-то идиотская шутка! Это всего лишь совпадение!

Она вернулась к себе, заперла комнату и десять минут обшаривала все углы и висевшую во встроенном шкафу одежду. Никаких маньяков, никаких злоумышленников не было. Она погасила свет, распахнула шторы, легла на диван, укутавшись в толстое пуховое одеяло. И тут же взгляд ее сам собой нашел окно третьего этажа, из которого – она точно знала – за ней часто наблюдают.

Кем был этот мужчина, она не знала. Но периодически видела его одинокий силуэт в окне. Он не пытался остаться незамеченным. Он не следил за ней. Он просто стоял, лениво потягивая что-то из стакана, и смотрел на их дом. И почему-то ей очень хотелось, чтобы он смотрел только на нее и думал о ней что-нибудь хорошее. Просто стоял у себя в комнате, смотрел на ее окна и думал о ней. Что-нибудь хорошее...

... – Что хорошего можно ждать от тебя, Николаева? Ты вообще способна творить добро? Ты хотя бы знаешь, что это такое – добро?

Высокий голос классной руководительницы не известной никому маленькой школы вибрировал на таких недопустимых нотах, что казалось, еще минута, и Нина Ивановна зайдется страшным кашлем. «Нельзя же так надрываться, – думала Оля, колукая пальцем трещину в углу, в который ее классная руководительница поставила час назад. – Так можно сорвать голос, так можно напугать ребенка. Любой ребенок в возрасте десяти лет может напугаться, когда его ставят в угол на час, а потом орут ему в спину и при этом больно тычут указкой между лопаток». Оля не боялась. Она могла бы развернуться, выдернуть указку из слабых костлявых рук Нины Ивановны и поколотить ее. Она была сильным, рослым ребенком, бьющим все школьные спортивные рекорды по бегу, плаванию, подтягиванию и рукопашному бою с одноклассниками-мальчишками. А еще она прекрасно метала копье и стреляла из «воздушки». Поэтому она могла бы запросто поколотить низкорослую, сухопарую,

злую Нину Ивановну. Могла заставить ее стоять в углу. И так же орать на нее и тыкать указкой в ее острые лопатки.

Но Оля этого не делала. Она была воспитанным ребенком своей матери – раз. И Нина Ивановна была родной сестрой Олиного отчима – два.

Свою маму Оля очень любила и старалась никогда не огорчать. И у нее это прекрасно получалось. И все были ею довольны. Все, кроме Нины Ивановны. Даже отчим дядя Витя частенько хвалил свою падчерицу и давал ей денег на кино и сладости. Любил погладить ее по голове, по спине и плечам, любил называть ее своей девочкой. Оля позволяла, хотя ей это было и неприятно. Но мама так смотрела на нее при этом. Так умоляюще смотрела, и взгляд ее просил Олю быть покорной и вежливой, что она терпела.

А потом случилось то, о чем Оле запретили вспоминать. Что тщательно вытравливали из памяти специалисты по гипнозу. Она и не вспоминала, до сегодняшнего вечера. Но, видимо, кого-то ее плохая память не устраивала. Кто-то решил, что она обнаглела, начала слишком быстро подниматься с колен. Пора ей напомнить, как бывает. Пора...

Оля проснулась с головной болью, посмотрела на оконный проем. Шторы раздвинуты, кажется, это сделала она ночью, когда укладывалась спать. Кажется, для того, чтобы видеть того мужчину, что наблюдал за ней временами. Минувшей ночью его там не было. Окна его квартиры были пустыми и черными. Может, спал, может, уехал. А она, засыпая, все ждала, что он включит свет, встанет у окна и пошлет ей пожелания спокойной ночи.

Вместо этого ей снова приснилась ее классная руководительница – жесткая, противная, несправедливая. И настроение, с которым Оля всегда просыпалась после такого сна, не могло быть хорошим.

Она нехотя поднялась, сходила в душевую, долго сушила волосы феном, просто чтобы согреться. На улице непогода, и надежд на то, чтобы сохранить прическу, быть не могло. Потом выбрала костюм, сегодня это был темно-синий в едва заметную серую полоску, под него серую блузку, высокие замшевые сапоги, клетчатое пальто, сумку через плечо. Все, она готова. Сегодня даже не стала пить кофе. Позавтракает по дороге. Сегодня она не могла тут больше находиться, ей здесь стало даже сложно дышать. Скорее бы съехать!

Она вышла из комнаты, заперла дверь ключом и пошла к выходу. Старинная массивная дверь еле открылась, подпираемая снаружи порывами ветра. И тут же ее поволокло следом за дверью на улицу. Она ахнула, выбежала на щербатые каменные ступени и ахнула вторично. Скорее, закричала. Точнее, завизжала. Потому что на последней ступеньке лежал труп ночной мученицы. А чуть ниже последней ступеньки стояли двое полицейских и внимательно рассматривали труп собаки, проткнутый прутком арматуры и с ржавым ведром на голове. И они переводили свои взгляды, полные сочувственного непонимания, с трупа собаки на Олю. И взгляд, обращенный на нее, не мог сулить ей ничего хорошего. Почему-то ей так казалось.

– Здравьете, – козырнул под кепку один из полицейских. – Вы в этом доме что делаете?

– Живу. Здравьете. – Она старательно отводила взгляд от окоченевшего собачьего трупа.

– Что значит живете?! – изумился второй. – Этот дом по документам необитаем и уже через неделю должен пойти под снос! Вы что тут, нелегально?!

Они переглянулись, приободрились, и им даже, кажется, стало теплее от мысли, что, стоя сейчас на страже закона, они наконец кого-то да поймали. Во всяком случае, тот, что пониже и потолще, перестал дрожать и заулыбался.

– Мы тут законно, товарищи полицейские. – Оля полезла в сумку за временной регистрацией. – Нас расселили здесь временно. После пожара. Два общежития сгорело, людей распахали куда только можно. Нам вот досталось это жилье.

– Вам? – Тот, что повыше, вернул ей документ. – И сколько же вас?

– Вообще-то мы занимаем пять комнат. На первом этаже я и Зинаида Васильевна, фамилии не знаю. На втором этаже Агапов, семья Зотовых и кто-то еще, я его ни разу не видела. Живем, пока нас не разместят.

– Интересное кино, Колян! – маленький толкнул локтем в бок высокого. – Дом должны сносить, уже, по слухам, техника заказана, а тут люди живут. Мало того, в доме творятся правонарушения. Мы думаем, бомжи хулиганят. А тут даже есть кому предъявить.

И он очень скверно ухмыльнулся, рассматривая Олю в упор.

Ей пришлось спросить, что он имеет в виду. И он ответил, что был анонимный звонок в дежурную часть, что некто возле дома совершил противоправные действия, а точнее, зверски убил животное и...

– И?

Оля смотрела парню в переносицу, она дико опаздывала на селекторную оперативку, а опаздывать было нельзя. Она сама ее вела потому что. Потому что месяц, как получила новое назначение. И опаздать было бы неприемлемо.

– И нам с вами придется проехать в отдел, – закончил он вдруг.

– С какой стати? – ахнула она и посмотрела на часы. – Я вообще-то на работу опаздываю.

– Вы нам нужны для составления протокола, – отозвался второй. – Кто-то должен подтвердить, что труп собаки в самом деле имеется на ступеньках дома, и кто-то должен поставить свою подпись.

– Вы что, капитан?! – Она чуть не нагубила, вовремя спохватилась. – С какой стати тут я?!

– Вы первой вышли из дома, – нашелся толстячок.

– Там еще жильцы, пригласите их в качестве свидетелей, пожалуйста! – взмолилась Оля. – И на первом этаже, и на втором. Они рады будут вам помочь! А я, честно, просто дико опаздываю.

– Оставьте хотя бы свой телефон, – попросил высокий. – Мало ли что может быть!

Мало ли что может быть... Мало ли что может быть... Мало ли что может быть...

Оля сама не понимала, что шепчет эти слова в такт своему скорому шагу, которым покрывала расстояние от автобуса до офиса и затем от входа до своего кабинета. Потом, после селекторной оперативки, она снова их вспомнила и, запершись в кабинете и сев в угол на стул, крепко зажмурилась.

Она не знала, но догадывалась, что мало ли что непременно должно теперь быть. Эта собака не просто умирала именно так. Она умирала, вернее, была убита с умыслом. И Оля должна была вспомнить, то есть она не должна была забывать. И не должна была минувшей ночью от этого отмахиваться. А она отмахнулась. И дохлую собаку из дальнего угла под лестницей черного хода перетащили на улицу к парадному крыльцу. И вызвали наряд. А наряд непременно должен был наткнуться на Олю, потому что она всегда первой покидала этот дом. Всегда. Первой. Она.

– Кто? – прошептала она с закрытыми глазами. – Кто это? Кому от меня что нужно?

Глава 3

Он дорабатывал в отделе последние свои дни. Никто об этом не знал, кроме него. Никто не знал, что рапорт уже написан и лежит в верхнем ящике его стола, придавленный папками с бланками протоколов. Никто не знал, но некоторые догадывались, что с ним что-то не то.

– Виталь, ты не заболел? – спрашивали некоторые, заметив, что вместо пачки в день он теперь выкуривает всего четыре-пять сигарет.

– Слышь, ты не влюбился, Макаров? – хмыкали другие, поймав его на рассматривании стайки воробьев, купающихся в луже.

Он не заболел и не влюбился. Он просто устал. Устал и разочаровался. И еще ему все надоело.

И он не хотел оставшиеся до пенсии дни вскакивать как ненормальный по будильнику, лететь вниз по лестнице к ветхой машинке, ждать потом, пока она прогреется, нетерпеливо выкуривая сигарету за сигаретой. После сидеть в тесном кабинете начальника, слушать пространные завуалированные речи о том, какие они идиоты, бездари и бездельники. Потом идти к себе в кабинет, допрашивать, записывать, отпускать, закрывать. Слушать слова благодарности вперемешку с проклятиями. Потом запирать сейф, ящик стола, идти к машине. Ждать, пока прогреется старая рухлядь, выкуривая три сигареты подряд. Ехать домой, попутно заворачивая в супермаркет. Дома готовить, потом жрать, потом смотреть телевизор, спать, и утром все сначала.

– Макаров, ты скоро устанешь от самого себя, – предрекала ему его вторая жена, когда они разводились. – Ты дошел до точки невозврата. Ты... ты просто пустота, Макаров. Ты – черная яма, которая засасывает. И тебя туда засосет, будь уверен...

Она, конечно, намудрила, его вторая бывшая жена. Он долго думал, так и не понял, что она имела в виду. Но то, что он устал от всего, было стопроцентной правдой. Надо было менять жизнь. Надо было меняться. И надо было начинать еще вчера, он запоздал с принятием решения. Ему было тридцать восемь лет уже! Но лучше поздно, чем никогда, так?

Макаров глянул на свое отражение в зеркале над раковиной. Молодой еще в принципе мужик. Морщин мало, цвет лица вполне здоровый, это потому что он постепенно начал завязывать с курением. Рот волевой, нос правильной формы. Глаза, правда, смотрели всегда хмуро, но это исправляется. Он точно знал, что исправляется. Достаточно все поменять.

И он готов! Готов вот прямо уже сегодня вытащить из-под папок с бланками протоколов заготовленный рапорт и подписать его у руководства. Его вряд ли станут отговаривать. Желających сейчас идти работать в полицию предостаточно. Платят неплохо. А то, что он профессионал от бога, сейчас мало кому нужно. Мало кому...

В отдел он вошел в нормальном почти настроении, потому что как бы принял решение. Вошел к себе, снял куртку, пригладил волосы, достал рапорт, глянул на коллегу – Стаса Воронина, с которым за пять минувших лет так и не сошелся по-настоящему, и сказал:

– Ну, Стас, я пошел.

– Далеко? – Мутные серые глаза коллеги скользнули по Макарову, остановились на рапорте. – В отпуск, что ли, собрался, Макаров? Охренел! Дел неспор, а он отдыхать летит!

Это так Воронин мгновенно оценил ситуацию, предположил самое для себя скверное, тут же позавидовал и обозлился.

– Меня если спросят, я против! – возмущенно толкнул грудку бумаг от себя Воронин. – Отдыхать он собрался, умник!

Вообще-то Воронин был ниже званием, младше возрастом, и стаж работы у него был меньше. И он не имел права говорить с ним в таком ключе. И прежде Макаров обязательно

указал бы ему на это. Но сегодня решил промолчать. «Черт с ним, с Ворониным. Пусть себе бесится и завидует. Он всем завидует, таким уродился».

Виталий вышел из кабинета, ничего не став объяснять. Поднялся в кабинет начальства, отдал рапорт секретарю и сел на стул ждать.

Секретарь вылетел из кабинета полковника с бледным лицом, вытаращенными глазами и смятым в комок рапортом Макарова.

– Иди! – шепнул он Макарову поблекшими вмиг губами. – Хочешь получить по шее – иди!

Он и пошел. И слушал потом полчаса, как неблагодарен он и беспечен. Что настоящие офицеры так не делают. Что он не имеет права поступать так безответственно со своей жизнью.

– Я тебя только на звание собрался выдвигать. Досрочно, между прочим! – восклицал с обидой полковник. – А он что?! А он кинуть меня захотел!

– Я не кинуть, – проговорил неуверенно Макаров, не ожидавший, что его станут удерживать. – Я уволиться.

– Ага! А меня с кем оставишь?! С Ворониным?! Он в своем кармане ничего найти не способен! А ты у меня кто?!

– Кто?

– А ты у меня, Виталя, лучший аналитик отдела! Я горжусь тобой, понял! Мне за тебя ни разу стыдно не было, вот... – надулся полковник, отважившись на откровение, на которое прежде никогда был не способен. – Все, иди, иди, работай. Глаза бы мои тебя не видели! Уходи...

– Семен Константинович! – Макаров неуверенно переступил, протянул бумажный комок, в который превратился его рапорт: – А что с рапортом-то делать?

– А что хочешь, то и делай! – огрызнулся полковник. – Съешь, чтобы неповадно было впредь!

– Но я ведь уйти хотел. – Макаров обнаглел, выдвинул стул из-за стола и уселся без приглашения.

– Почему? – полковник сделал вид, что не заметил вольности подчиненного.

– Устал я.

– Так отдохни. В отпуск отпущу, – нехотя пообещал полковник.

Тут же снял трубку внутренней связи и приказал кадровику оформить Макарова с сегодняшнего дня на две недели в отпуск.

– Доволен? – свел он брови.

– Пустота вот тут, Семен Константинович, – Макаров приложил руку к груди. – Пустота...

– А уйдешь, все наполнится?! – фыркнул полковник, на глазах веселея. – Я-то думал, чего он? А у него пустота образовалась! Виталя, ты охренел?!

– Нет. Устал просто. – И глянул на полковника глазами бродячей собаки.

– Понял.

Полковник выбрался из-за стола, походил по кабинету почти строевым шагом. Встал у окна с заложенными за спиной руками. Уставился на голые ветки клена.

– Меня такая пустота жевала, когда Маша моя заболела. Болела долго, страшно. Потом ушла... И пустота эта превратилась... Короче, с тех пор я с этим и живу. И точно знаю, сиди я в этом кресле, нет, ничего не изменится. Так-то, Виталя. Не в твоей работе причина, поверь. В себе что-то надо тебе поменять. Как-то потрянуть себя посильнее. Любить пробовал?

– Не помогает, – мотнул головой Макаров, вспомнив бывших своих жен, с которыми ни черта у него не вышло.

– Ну... тогда я не знаю. – Полковник развел руками, сел на место, глянул на него с хитрецей: – Дело какое-нибудь доброе сделай.

– Дело? Доброе? Шутите?

Макаров даже хотел обидеться. Он к нему с серьезным разговором, а с ним шутят.

– Не шучу нисколько. Знаешь, какое удовлетворение испытываешь, делая доброе дело для того, кто в нем действительно нуждается. Ого-ого, Макаров, ты себе представить не можешь, как сладко и тепло в сердце от этого.

Он вообще-то хорошим мужиком был – Семен Константинович, до полковника из сержантов дослужился. Разговоры вот теперь с ним ведет, что тот психолог, хотя и не обязан.

– Все, иди, отдыхай. В отпуске ты на две недели, Виталя. И чтобы больше никаких рапортов, – палец полковника указал на бумажный комок в Виталиной руке.

Макаров поднялся с места. Пошел к двери. Но вдруг приостановился, глянул на полковника, провожающего его внимательным взглядом.

– Разрешите вопрос, товарищ полковник?

– Ну!

– А у вас... Вы... После смерти жены когда... Извините меня, Семен Константинович! Вы что-то доброе делали? Что-то такое, от чего вашей душе хорошо и покойно?

Полковник отвел взгляд, снова уставившись на голые ветки клена за окном. Потом нехотя признался:

– Я не перестал ходить в ее клинику, Макаров. Просто хожу туда, как на дежурство. Вот и все мои добрые дела.

– К кому?!

– О-о-о, Виталя, – полковник грустно улыбнулся. – Там очень много несчастных одиноких людей. Очень много! Никогда не думал, что одиночества вокруг так много. Все, иди уже. А то передумаю и отпуск не подпишу. Все! Давай, давай...

Вернувшись, Макаров попал на чаепитие. Воронин и еще двое из постовых активно хлопотали с пустыми чашками, пакетом с сахаром и вскипевшим чайником.

– Вот, за тебя проставляюсь, – указал Стас на маленький вафельный торт на столе и хищно улыбнулся: – Что, подписали? Отдыхаешь?

– Да, – коротко ответил Виталий и начал собирать бумаги со стола, раскладывая по ящикам стола и полкам сейфа. – Две недели.

– Ого! – Улыбка Воронина превратилась в оскал. – Везет же некоторым! А тут... Об отдыхе можно только мечтать.

– А вы чего тут? – обратился Макаров к постовым. – Сменились или заступили?

– Сменились они, сменились. Забежали ко мне погреться. И историю рассказать.

– Что за история? – рассеянно поинтересовался Макаров, стирая ненужную информацию из компьютера.

– Представляешь, Виталь, – начал капитан, хватая самый большой кусок вафельного торта. – Нам меняться, а тут звонок в дежурку. Зверское убийство, говорит! Все напряглись, разумеется. Называйте адрес, говорят ему.

– Ему? – на автомате поинтересовался Макаров. – Звонил мужчина?

– Да не знаю, не уточнял. Так я просто сказал.

– И что дальше?

Все, он все подчистил, компьютер выключил, бумаги убрал, оружие сейчас сдаст – и свободен. На целых две недели свободен. Заполняя пустоту в душе чем хочешь. Полковник молодец, что не подписал рапорт об увольнении. Виталя, когда от него к себе шел, мысленно его поблагодарил. Потому что не станет его жизнь полнее и прекраснее, останься он без работы. Что-то необходимо еще. Что-то другое.

– Так вот, говорит, произошло зверское убийство. Спрашиваем адрес, называет адрес Проклятого дома. Прямо, говорит, во дворе убийство.

– Да ладно! – удивился Воронин, похрустывая вафельным тортиком. – Там же никто не живет. И, насколько мне известно, даже бомжи этот дом обходили всегда стороной. Больно дурная у него слава.

– Вот-вот. И мы удивились. Спрашивают его, кто жертва? А он знаешь что говорит?

– Что?

– Собака! – хохотнул капитан, обсыпавшись крошками до самых коленок. – Дежурный чуть матом его не послал, Виталь. А что делать? Звонок зафиксирован, надо ехать. Поехали.

– И что? – Воронин аккуратно кусал над бумажкой, собирая туда крошки, костюм берег. – Труп собачий обнаружили?

– Мало этого, Стас! Обнаружили, что дом-то Проклятый обзавелся жильцами. И какими! – Капитан восторженно закатил глаза.

– То есть – жильцами? Его же на снос готовят, – вспомнил Макаров одно из совещаний в управе, где был вынужден присутствовать. – Вот буквально на днях и должны были начаться работы.

– Ну, не знаю про снос, а про жильцов знаю точно. Две комнаты заняты на первом этаже. Три на втором, – авторитетно заявил капитан. – Опрос и опись жильцов проведены почти по полной программе.

– А кто тебя в такой восторг-то из этих жильцов привел? – напомнил Воронин.

Он любил женщин, красивых особенно, хотя ему с ними и не очень везло. И догадывался, что речь пойдет о красивой женщине.

– Короче, мы подъехали, дохлая собака валяется перед ступеньками. И тут дверь распахивается, и выходит девушка! – Капитан снова восторженно закатил глаза. – Высокая, тоненькая, рыжая!

– Рыжая! – эхом повторил Воронин. – Люблю рыжих. Они такие... темпераментные.

– Их раньше на костре жгли, как колдуний, – сонно напомнил напарник капитана. Напившись чая, он дремал в старом кресле в углу. – И эта такая же!

– Чего вдруг? – заступился за рыжую Воронин.

– Такая она... Вся как струна натянутая. Собаку дохлую увидела, напряглась, завизжала.

– А твоя бы девушка обрадовалась бы? – фыркнул Воронин, свернул лист с крошками в кулечек, скомкал и выбросил в мусорную корзину. – Девушки, они не очень-то любят сцены насилия.

Капитан с напарником переглянулись.

– Тут дело-то в другом, Стас, – нехотя начал объяснять капитан. – Собаку эту они, оказывается, еще ночью обнаружили.

– Кто они? – тут же метнул свой вопрос Макаров. Он хоть и слушал вполуха, но не мог не заинтересоваться загадочными жильцами.

– Ночью начал кто-то выть. Это тетка рассказала с первого этажа, – сделал отступление капитан. – Они из комнат вышли втроем: дед со второго этажа, тетка эта и рыжая. И пошли по коридору на вой. И нашли подышающую собаку у черного хода в углу.

– Еще одна собака? – не понял Воронин.

– Нет, в том-то и дело, что та же самая.

– Не понял?! – возмутился Воронин. – Ночью она подышала в доме у черного хода, а утром оказалась на ступеньках перед парадным входом? Так, что ли?

– Совершенно верно, – меланхолично отозвался напарник капитана.

Глаза у него после ночного дежурства и горячего чая просто слипались. И давно бы пора домой, да капитан сидит, и ему надлежит.

– Значит, ее кто-то перетащил? Зачем? – возмутился Воронин, рассеянно схватил из коробки еще один кусочек торта и захрустел, забыв прикрыть костюм бумажным козырьком.

– Хороший вопрос, Стас. – Капитан вдруг зевнул протяжно и широко. – А еще лучший вопрос: это какой твари понадобилось убивать бедное животное именно таким образом?!

– Каким? – Это Макаров спросил одновременно с Ворониным.

– Собаку проткнули арматурой и надели ей на башку старое ржавое ведро. Собака, когда подыхала в доме еще ночью, жутко выла.

– Поэтому жильцы и пошли на вой. Собака выла, а ведро на ее голове вой этот множила, – произнес Макаров задумчиво. – А что же они собаку эту не выволокли из дома ночью, жильцы-то?

– Так собака, говорят, подохла. А рыжей вдруг сделалось плохо. Ей тетка даже по щекам нахлестала.

– А утром плохо ей не сделалось, когда та же самая собака оказалась у нее на пути? – уточнил Макаров. – Кстати, ведро по-прежнему было на башке?

– Да.

– А что рыженькая? – Воронин спохватился и принялся стряхивать крошки с кителя. – Снова в обморок хрясь?

– Нет, она даже с нами говорить не стала, спешила на работу. Посоветовала побеседовать с другими жильцами. – Капитан поднялся, толкнул начавшего дремать напарника. – Теперь вот разбирайся, кто тот вандал. Ребята за голову схватились. Говорят, мало дел, теперь еще и это.

– Слышь, Павел! – Воронин соскочил с места и кинулся следом за капитаном к двери. – А чего их поселили-то там, в Проклятом доме?

– А так они жили в двух общагах на Садовой.

– Это которые сгорели не так давно?

– Ну да. Жильцов всех рассовали кого куда. Этих сюда приткнули. Обещали решить проблему жилья за неделю, теперь до весны, говорят, станут жить. Так что снос откладывается.

– Слышь, Павел, а рыжая телефончик-то свой не оставила, когда не смогла с вами поговорить?

– Оставила. И че? – Капитан на его просящий взгляд сложил выразительный кукиш и сунул его Воронину в нос. – Хочешь, сам туда съезди, Стасик. Телефончик в деле фигурирует теперь. Дело важное, блин! Убийство бродячей собаки! Пацаны вешаются...

Кому понадобилось убивать бедное животное таким вот варварским способом?! Как можно просто взять и из хулиганских побуждений проткнуть собаку металлическим прутом?! Зачем, главное?

Версий у Макарова, когда он садился в прогретую машинку, было три.

Первая – хулиганы, бездушные, мерзкие, напившиеся до чертей и решившие выплеснуть скопившийся гнев на бедное животное.

Вторая – кому-то очень не хочется, чтобы в этом доме поселились люди, и, убив собаку, он закрепил за этим местом репутацию проклятого.

И третья – кто-то использовал это мерзкое действие как акт устрашения, направленный на кого-то конкретно.

Первая версия была единственно стоящей, но найти хулиганов вряд ли удастся.

Вторая версия тоже имела право на существование. Поселившиеся жильцы мешали сносу, отодвигали его до весны. А если они со страху побегут, то тогда хорошо, территория свободна. Найти злоумышленника в этом случае будет не так сложно. Кому-то это место обещано под строительство. Так что...

Разработка третьей версии вообще яйца выеденного не стоила. Жильцов всего ничего. Поговори с каждым и найдешь, для кого готовился сюрприз. А найдешь для кого, найдешь и кто.

Но это не его история, страна! Это не его дело. Пусть занимается тот, кто приставлен. Он в отпуске. И ему срочно нужно найти для себя занятие. Он должен сделать какое-то доброе дело, которое вытеснит из его души пустоту и наполнит ее смыслом, н-да...

Глава 4

Оля возвращалась домой позже обычного.

Она бродила по улицам, останавливалась у досок объявлений и внимательно изучала предложения о сдаче жилья. Она не останется в этом жутком доме. Ни за что не останется! Это только начало. Она это интуитивно чувствовала. Казнь собаки, а бедное животное именно казнили, была началом.

Ей надо съехать. Найти себе недорогое жилье, благо жить в нем придется недолго, и съехать. Да, пострадает ее бюджет, она собирала деньги на хорошую мебель в новую квартиру, на машину. Она просто собирала деньги, не расточительствовала, зная, что они ей будут нужны. Много денег! Чтобы обустроить свое будущее, удобное, красивое, уютное. Помощи ждать неоткуда, вот она и копила.

Но теперь, видимо, придется немного отщипывать на жилье. В проклятом доме она не останется. И мотивы ей даже неинтересны. Она просто не станет об этом думать, съедет, и все!

Одно предложение показалось ей заманчивым, и она тут же позвонила по оставленному в объявлении телефону.

– Да, сдаю комнату, милая, – обрадовал ее женский голос, явно принадлежавший пожилой женщине. – Но недели через две. Мои жильцы съедут, тогда уж и тебя возьму.

– Две недели? А раньше никак?

– Ну не выгоню же я их на улицу, милая. У них билеты уже куплены. А что же, подождать-то никак? Или совсем жить негде?

– Хорошо, я подожду, – согласилась Оля.

Женщина брала за комнату совсем недорого. И район располагался неподалеку от ее работы. И, в конце концов, это ведь ненадолго. К весне обещали их жилищную проблему решить. Оле так конкретно сказали, что ее заселят в однокомнатную квартиру в многоэтажке, которая в марте сдается.

– Я подожду, – повторила она и отключилась.

Все, тянуть больше смысла не было, надо было возвращаться в дом. Оля зашла в кафе. Поужинала привычно порцией картошки с гуляшом, пирожным и чашкой чая. Села на маршрутку, доехала до своей остановки, и ноги тут же приросли к асфальту. Вот стоило ей глянуть на дом, как тело перестало ее слушаться. Ноги не шли, сердце не стучало, легкие отказывались качать воздух, взгляд не желал уходить в сторону. В сторону от ярко освещенного окна на втором этаже, за которым была комната, которую занимал неизвестный жилец, пробирающийся к себе крадущейся походкой. Он ни разу не попался ей на глаза, ни разу. Но теперь...

Теперь он стоял в полный рост возле подоконника – высокий мужчина, наголо бритый, в белой майке, оголяющей его мощные плечи и демонстрирующей крепкую мускулатуру, – и отчаянно жестикулировал. И жесты эти были направлены в ее сторону.

Он как будто звал ее или отмахивался? Или просил о помощи? Разобрать было сложно, и черты лица его казались смазанными с такого расстояния. Оля не знала, что ей делать. Спешить на помощь, а вдруг он в ней не нуждается? Идти в дом, а вдруг там ее подстерегает опасность? Остаться на остановке, но как долго? Начинался дождь, а она вечно с непокрытой головой.

Дождавшись, пока поток машин схлынет, она медленно пошла по пешеходной «зебре», и почти уже добралась до кромки тротуара, и почти успокоилась, потому что неизвестный жилец исчез. Как вдруг он снова появился. Совершил в ее сторону очередь странных движений руками, потом нагнулся, а когда распрямился, то на голове его было ведро.

– Нет! – ахнула она и попятилась.

Тут же раздался мощный рев автомобильного сигнала. Она инстинктивно шагнула вперед, споткнулась о бордюр и упала бы, не подхвати ее чьи-то руки.

– Господи, ну нельзя же быть такой курицей! – проворчал мужчина над ее головой, слегка стукнул по лопаткам. – С вами все в порядке?

Оля выпрямилась, посмотрела на спасителя. Обычный, тут же сделала она вывод. Скорее, из неудачников. Смотрит неприветливо, даже зло и пренебрежительно. Кажется, сам себе не рад, что пришлось ее спасать.

– Со мной все в порядке, – проговорила она. – Спасибо.

– На здоровье, – фыркнул он.

Подождал, пока она сделает шаг, другой. С раздражением вдохнул, выдохнул.

– Нет, все же я вас провожу, – произнес он и, вцепившись в рукав ее клетчатого пальто, спросил: – Куда?

– Туда, – боднула она головой воздух в сторону старого дома.

Он повел ее, крепко удерживая за локоть и повелительно толкая впереди себя. Довел до щербатых каменных ступенек, помог подняться, встать под навесом. И спросил:

– С вами точно все в порядке?

– А почему нет? – Оля глянула на него, усмехнулась: – Я просто оступилась, и все.

– Ага, как же! – недоверчиво скривил рот ее спаситель. – А перед этим торчали столбом на остановке под дождем. Потом ползли, как букашка, по «зебре». Потом пятились под колеса моей машины. И следом едва не упали, споткнувшись о бордюр. Повторю вопрос: с вами точно все в порядке?! Может, вам нужна медицинская помощь?

– Нет, не нужна.

Оля глянула за его плечо. Там, прижавшись к бордюру и тихо урча заведенным мотором, стоял его внедорожник. Большой, черный, блестящий, как майский жук. Ей вдруг так захотелось оказаться внутри этой машины. Согреться теплым воздухом, выдуваемым печкой, послушать хорошую музыку, поговорить с этим сердитым спасителем. Не о помощи, в которой она точно нуждалась, а о чем-нибудь приятном и добром. О музыке, к примеру.

– Послушайте, – вдруг осмелилась Оля. – Вы не могли бы посмотреть на второй этаж. В окно. Крайнее слева. Что там?

– Хорошо, – быстро согласился он, вышел под дождь, задрал голову, тут же вернулся. – Там ничего.

– То есть никого?!

– И никого и ничего.

– А свет? Свет горит?

– Нет. Света нет. И, кажется, плотно задернуты шторы. А почему вас интересуют эти окна?

– Нет, все в порядке. – Оля потянула на себя старую тяжелую дверь. – Спасибо.

– За что? – Он все не уходил, все стоял за ее спиной.

– Что меня не переехали, – пошутила она и скрылась за дверью.

Глава 5

Паша, оголенный по пояс, массировал плечи босса профессиональными движениями. Это расслабляло, нежило, заставляло на время забыть о проблемах, которые как грибы после дождя множились на каждом шагу.

Геннадий Иванович сладко зажмурился, застонал, когда большие пальцы его водителя и телохранителя, а заодно и массажиста и помощника по всем вопросам сомкнулись на его шейном позвонке и начали тихонько надавливать.

– Хорошо, Паша... Хорошо...

Паша старался, сосредоточенно разминая плечи и спину своего босса. Тому необходимо было расслабиться. Необходимо было хоть на какое-то время забыть обо всем. А то так и до инфаркта рукой подать.

Как он сегодня рассвирепел, узнав новости! Как он гневался и плевался слюной, семена на коротких ножках по кабинету!

– Почему?! Почему, Паша, я тебя спрашиваю, кто-то влез в наше дело? Почему все идет не так?

Геннадий Иванович так орал, его лицо так страшно побагровело, что Паше в какой-то момент показалось, что оно сейчас лопнет – его одутловатое, лишенное всяческой привлекательности лицо. Он перепугался и пообещал почти невозможное.

– Я все решу, Геннадий Иванович, – сказал тогда Паша.

– Решишь?!

За его обещание босс ухватился как за соломинку. Сразу успокоился, заулыбался. Даже позволил себе потрепать своего телохранителя по плечу, хотя всегда избегал становиться с ним рядом – слишком велик был контраст их внешностей и роста.

– Вот и молодец, Павлик. Вот за это я тебя и ценю. Решишь – значит решишь. А давай-ка баньку организуй, а?

Приказано – сделано. Паша организовал парную и уже двадцать минут массировал жирную спину своему повелителю. И чем больше расслаблялся его благодетель, тем мрачнее становился Паша.

Пообещать-то он пообещал, а вот как станет решать эту проблему, понятия не имел. Он привык иметь дело с известным противником. Чаще всего этого противника определял за него босс, ему лишь давались указания: наказать, разобраться, предупредить, устранить.

Каждое из этих указаний несло в себе целый пакет мер устрашения, а иногда и конкретных карательных мероприятий. К этому Паша привык. Была цель, было средство.

Но теперь...

Теперь он понятия не имел, с кем и с чем имеет дело! Да, первоначальная задача была предельно ясна – необходимо выдавить жильцов из дома до весны, тогда планировался снос. Хотя бы за неделю до сноса их оттуда убрать. Им просто необходимо было обследовать подвалы этого старого строения. У них уже и оборудование было заготовлено, и чертежи имелись, где может находиться то, на чем помешался Геннадий Иванович. Они бы сделали это уже давно, но тут, как на грех, случился пожар в двух общагах, и людей спешно рассовали кого куда. Этих вот несчастных сунули в старую рухлядь, подключив им какие-никакие коммуникации: свет, холодную воду, канализацию.

– А че, при них нельзя, что ли? – недоумевал Паша поначалу. – Они из комнат своих не выползают почти. До уборной и обратно. Им какое дело, кто роется в подвале?

– Умник! – шипел с презрением Геннадий Иванович. – Кто помешает им вызвать полицию?! Кто помешает сообщить корреспондентам, что кто-то ведет раскопки?! А если об этом узнают газетчики, то узнает и эта... нечисть! А когда эта нечисть, Паша, узнает, то дело

пропало. Понимаешь, дубовая твоя башка?! Тогда он меня точно опередит и снова публично высмеет! Не-е-ет, Паша. Мы должны действовать тихо. Не вызывая подозрений.

– Так вы уже разрешение получили на исследования в управе, – несмело возражал Паша, просто чтобы напомнить. – Кто-то да проболтался.

– Я получил разрешение на негласное присутствие в этом доме не для поисков, болван! – орал Геннадий Иванович – он вообще очень быстро выходил из себя. – Я получил его для изучения архитектурной исторической ценности! Понимаешь разницу?!

Паша не понимал, потому что эта хитрость была шита белыми нитками.

– И тот, кто мне дал это разрешение, будет молчать как рыба. Знаешь почему?

Паша догадывался.

– Потому что получил от меня конверт с деньгами. А это сейчас срок ого-го какой! Он станет молчать и молить Бога, чтобы я не проболтался. А ты говоришь, он!

– Может, тогда он и поспешил туда людей поселить, а? – размышлял вслух Паша. – И денежки взял, и подстраховался?

– Вряд ли, – ворчливо отозвался босс.

Мысль о том, что его может кто-то кинуть, была для него непереносимой. Он привык властвовать, не разделяя.

– Он не дурак, знает, что ему будет, если он посмеет только подумать! Это просто совпадение, просто случайность. Кто мог знать, что сгорят эти чертовы общежития!..

Паша промолчал тогда. А теперь вспомнил. Он ведь узнавал по своим каналам. Общежития сгорели в результате умелого поджога. Просто это не афишировалось нигде и ни в одном акте не было зафиксировано. Везде записали: пожар в результате неисправной электропроводки. Кому нужны лишние проблемы? Кому нужно заводить уголовное дело и париться потом над расследованием? Ясно же как божий день, что поджигатель кто-то из жильцов. А их там полторы сотни на два дома. Всех подозревать?

Теперь он почему-то стал думать несколько иначе.

Теперь он почему-то во всем видел злой умысел. Умысел, направленный против его хозяина.

Как он орал, когда узнал о смерти бродячей собаки и о том, что кто-то вызвал полицию! Как он орал! Даже сильнее, чем сегодня, когда стало известно, что одну из комнат в доме занимает профессор археологии, повернутый на кладях и вознамерившийся доказать, что этот старый дом, в который его случайно поселили, полон тайн.

– Что он сказал?! – схватился за сердце Геннадий Иванович.

– Что дом этот полон тайн и, возможно, никто еще не докопался до сокровищ, спрятанных царским инквизитором, – промямлил Паша.

– Кому сказал? – Вот в этом месте лицо босса начало наливаться кровью.

– Своему бывшему коллеге, с которым пил кофе в кофейне за квартал от дома. Наш человек пас его и все слышал. И слышал потом, затаившись под дверью, как он повторил это все рыжей девке, пригласив ее к себе вечером на чашку кофе...

Все выходило из-под контроля, буквально все. Паша тяжело вздохнул. Положил ладони на крестец хозяина, осторожно надавил. Еще и еще раз, слушая характерный хруст. Это нормально. Так и должно быть. Вот если бы он надавил сильнее, то тогда...

Иногда – очень редко – ему очень хотелось сделать что-нибудь Геннадию Ивановичу, какую-нибудь пакость. Это когда тот особенно расхотелся и принимался оскорблять его незаслуженно. Потом Паша стыдился своих желаний. Усмирял свой гнев. И думал, что никто не лучше. Все в этом мире прогнило. Все чувства. Никто ничего не ценит, все повернуто на деньгах. Его босс хотя бы какую-то часть своей души оставляет нетронутой. Он не спит с девками за деньги. Считает это мерзким. И у него есть цель. Может, и не вполне благород-

ная, но он этой цели не изменяет. Он верен ей. И эту верность в нем Паша ценил. И сам старался служить верно...

– Решит он, – вдруг проворчал Геннадий Иванович и тревожно заворочался, будто слышал опасные мысли Паши. – Как решать-то станешь? Как профессору рот заткнешь? Как девку эту рыжую усмиришь? И собака эта... Кто мог додуматься, Павел? Кому помешала бедная тварь?

Уничтожения из прихоти или куража Геннадий Иванович не терпел. Вот для дела – это пожалуйста. Тут он приказ отдаст не задумываясь. А из хулиганских побуждений...

– Пакость какая! – продолжал сонным голосом босс, широко раскинув руки по кушетке для массажа. – Мало проткнуть бедное животное прутом металлическим, так еще на башку ведро надеть. Зачем?!

– Может, для устрашения? – предположил Паша. Он последние два дня только об этом и думал, и ничего путного ему в голову не пришло ни разу.

– Кого устрашать-то собрались такой байдой, Паш?

– А для чего тогда собачий труп перетасили из дома к крыльцу? И ментов потом вызвали? – рассуждал вслух Паша. – Подохла-то собака в доме, это сто процентов. Профессор, рыжая и алкашка ходили ночью на нее смотреть. Рыжая чуть в обморок не грохнулась. Наш человек видел, как алкашка ее по щекам хлестала. А утром рыжая из дома выходит, а собачий труп под ногами.

– И она снова в обморок? – заинтересованно спросил Геннадий Иванович, приподняв голову.

– Нет. Она с ментами базарила. Они ее встретили возле собачьего трупа.

– Так-так-так... – забормотал Геннадий Иванович и принялся дергать ступнями – что-то типа зарядки. – Утром рыжая на порог, а там собака... Так-так-так, и менты. А кто, Паша, скажи мне, первым всегда выходит из дома по утрам?

– Рыжая, – без запинки ответил Паша.

– Вот! – Геннадий Иванович резко приподнялся, сел, прикрывая махровой простыней наготу. – Вот, Паша, она и разгадка! Все это действие направлено против рыжей девки. Для нее это представление устроено!

– Да? – Паша недоверчиво покачал головой. – Заморочено как-то.

– Ничуть! Подумай сам... Собаку грохнули, она потом еще полчаса выла, так?

– Да, наш человек говорит, вой был жуткий.

– Пошел на вой кто? Рыжая, профессор, алкашка. Потому что больше идти некому. Семейке придурочных все нипочем. А тот, кто живет в крайней комнате, еще ни разу не засветился. Ни разу! Когда уже, Паша?! – босс требовательно глянул на Пашу.

– Делаем все возможное, Геннадий Иванович. Как призрак, честное слово! Вроде кто-то есть, а будто и нету. Может, там ход какой в его комнате существует?

– Может быть, может быть... Тогда откуда он о нем узнал, Паша? Ой, что-то погано все как-то. – Некрасивое лицо хозяина сморщилось, как от боли. – Ладно... Про собаку... Пошли на вой те, кто должен был пойти. Остальным по барабану. Утром собаку перетасили к порогу. Для чего? Для того, чтобы рыжая снова на нее наткнулась. Все это против нее, Паша! Точно против нее! Может, какой ухажер ей мстит, может, еще чего.

– А чего прямо так-то?

– А вот ты возьми и узнай! – предложил Паше выход Геннадий Иванович.

Сам-то он, честно, не знал, с чего начинать решение проблем.

– Узнай об этой девке все! Кто? Откуда? Чем занимается? Семья? Друзья? – загибал пальцы босс. – И реши уже вопрос с этим чокнутым профессором, который болтает направо и налево непотребное! Реши, Паша...

Глава 6

Привычным движением плеснув себе на дно бокала виски, Егор достал щипцами из пластикового контейнера два кубика льда, швырнул их в бокал. Размешал. Захлопнул морозильник, убрал в бар бутылку. Выключил свет в кухне и подошел к окну. Теперь у него тут стоял высокий табурет, он перетащил его от барной стойки. Действие, разворачивающееся в окнах старого дома, занимало его все больше и больше. Стоять у окна приходилось все дольше, и он уставал. Решил, что можно сделать наблюдение более комфортным.

Конечно, основным объектом его наблюдений была и оставалась рыжая девица. А после того, как она едва не попала под колеса его Жучка и он проводил ее, ему стало казаться, что он как-то даже ответственен за нее.

Ну, курица ведь, ну! Несуразная, рассеянная курица, хотя и дико хороша собой. Он прекрасно рассмотрел ее, когда провожал до двери дома. Белокожая, зеленоглазая, рыжая, с тонкой полоской яркого рта. Она показалась Егору каким-то экзотическим созданием. Очень редким, штучным. Он пожалел тогда, что не настоял на помощи. Ему показалось в тот момент, что она дико в ней нуждалась. Что-то шло не так в ее одинокой жизни.

С того памятного вечера прошла почти неделя. И в жизни Рыжей начали происходить некоторые изменения. К примеру, к ней часто стал наведываться с приглашениями Академик. Перед этим он долго готовился. Гладил на своем маленьком узком диванчике брюки, сорочку, тщательно брился, потом одевался, зачесывал наверх густую седую шевелюру. И шел к девушке. Короткая беседа у ее дверей. Он возвращался к себе. Минут через десять Рыжая выключала свет в своей комнате и почти тут же появлялась в комнате Академика. Она никогда не приходила к нему с пустыми руками. То коробка с печеньем, то конфеты, то тортик.

Они усаживались к его столу, разливали кофе либо чай по чашкам, угощались печеньем либо конфетами и подолгу, подолгу разговаривали.

Честно? Егор им немного завидовал. Ему казалось, что разговоры эти очень содержательны, интересны. Через пару дней Академик так расчувствовался, по мнению Егора, что доверил Рыжей рассматривать свои чертежи, старые книги и огромные старинные альбомы, занимавшие почти всю поверхность большого стола.

А однажды, это когда Академик, включив ночник, погасил верхний свет и принялся расхаживать по комнате и рассказывать что-то, отчаянно при этом жестикулируя, Егор подумал, что Рыжую сейчас посвящают в какую-то страшную тайну. И ему очень захотелось быть сопричастным к этой тайне. Захотелось сейчас сидеть рядом с Рыжей, слушать Академика и стоны старого дома.

Ночь показалась ему бесконечной. И наутро он нарочно поставил свой Жучок так, чтобы Рыжая по пути на остановку в него непременно уперлась.

– О, это вы? – удивленно распахнула она зеленые глазищи. – Здравствуйте. Простите, не знаю, как вас зовут. Я Оля.

– Егор, – представился он, распахнул дверцу со стороны пассажира. – Присаживайтесь, довезу.

– Нет, – неожиданно резко ответила она отказом. – Не надо.

И ушла на остановку, даже ни разу не обернувшись. Он не погнался за ней, считая это глупым. И весь день был раздосадован на самого себя. Навязываться он себе запретил с тех пор, как Ленка его кинула. Никогда никому не навязываться. А утром как-то так вышло, что попытался это сделать. С сердитых мыслей своих он решил вечером к окну не подходить. И два дня потом не подходил, согласившись два дня подряд встречаться со Светой. А это было то еще испытание! При внешней привлекательности девушка была глупа как пробка!

На третий день Егор решил: все, хватит. Он наказал себя за промах, можно побаловать себя любопытством. Сел у окна со стаканом виски, только уставился на окна, как в доме отключили свет. Вот только что привычно светились все пять окон: два на первом, три на втором. Третье на втором наглухо задраено шторами. Как бац – и все потухло. Какое-то время держалась полная темнота. Потом в окне Рыжей заметался острый луч фонаря. В окне Академика на подоконнике загорелась свеча. А в окне сумасшедшей семейки загорелась керосиновая лампа, поставленная в центр обеденного стола.

С чего-то ему сделалось жутко. Представилось, как стонут старые перекрытия, пищат мыши под полом, воет осенний ветер, беспрепятственно гуляя по длинному коридору. И он даже пожалел Рыжую. Ей-то теперь каково?! И он даже подумывал выйти на улицу, войти в дом, постучаться к ней и пригласить к себе. Конечно, не пошел бы. Но ведь подумал.

И тут свет включили. Егор даже вздрогнул. Вздрогнул, кажется, одновременно с мужем, застывшим посреди комнаты в ярко освещенном пятом окне. Тот как кенгуру прыгнул к окну и резким движением задвинул шторы. Наверное, распахнул их, когда свет отключили. Чтобы свет уличных фонарей попадал в комнату. Не ожидал, что поломку устранят так быстро. И попался! Он попался Егору на глаза, и он его великолепно рассмотрел. Крепкого телосложения, достаточно высокий, абсолютно лысый. Возраст? Судить сложно с такого расстояния. Но если учесть стремительный бросок к оконному проему, достаточно молод.

– Ну, наконец-то, незнакомец, – удовлетворенно хмыкнул Егор, сползая с табурета. – А то просто призрак какой-то...

Свет в доме отключали потом почти каждый вечер. Минуты на три, иногда чуть дольше. Все жильцы почти с этим свыклись. Потому что даже в комнате пьющей пожилой женщины тут же занимался крохотный огонек свечи или зажигалки. И лысый мужик больше промахов не допускал. Окно его всегда оказывалось плотно зашторенным.

Так продолжалось неделю или чуть больше. А потом...

Кажется, это был вечер среды. Да, точно. Он по средам обычно встречался со Светой. Она почему-то настаивала именно на среде. Хотя ему одинаково скучно было с ней и в пятницу, и в субботу. Тот вечер среды не стал исключением. Они сходили в кино, потом наскоро поужинали. Он отвез ее домой, вытерпел пару поцелуев.

Вернулся Егор ближе к одиннадцати вечера. Переобулся в домашние тапки, повесил куртку, стащил галстук, швырнув его на крючок вешалки в прихожей. Расстегнул две верхние пуговицы сорочки и пошел в кухню. Не включая света, он подошел к окну и разочарованно вздохнул. Света в доме опять не было. Вообще никакого. Не горел фонарик у Рыжей, не светила себе зажигалкой пожилая женщина, не металось пламя под колпаком керосиновой лампы в сумасшедшем семействе. У Академика тоже было темно.

Хотя минутку! В его окне вспыхнул огонек от спички, потом загорелась свеча, но не на подоконнике. Подсвечник с толстой свечой был в руках пожилого дядечки, переодетого ко сну в клетчатую пижаму. Он медленно шел, подсвечивая себе дорогу, к двери. Встал возле нее, с кем-то поговорил и начал отпирать замок. Отпер дверь, отошел на три метра в глубь комнаты и тут же испуганно попятился, загоразиваясь подсвечником, как щитом.

Егор вытянул шею. Он мог поклясться, что понял, зачем пришел к Академику человек, наряженный во все черное. С лицом, закрытым маской.

Он пришел его убивать!

Нож, высоко занесенный над головой позднего гостя, не оставлял никаких сомнений. А когда этот нож резким движением вошел в грудь Академику, потом еще раз и еще, Егор закричал.

– Господи, нет! – шептал он уже, плотно зажимая рот ладонью и как замороженный не сводя взгляда с окна пожилого человека. – Да помогите же вы ему кто-нибудь! Помогите!

Академик упал. Убийца подхватил подсвечник. И прежде чем он задул свечу, Егор его рассмотрел. Он мог поклясться на Библии, что разглядел прядь огненно-рыжих волос, выбившихся из-под черной шапочки...

Глава 7

Творить добрые дела оказалось очень сложно. И желание, казалось, есть, и возможности. Но удивительно – не было желающих принимать от него добро. Макаров заворочался, плотнее зарываясь в теплое одеяло и не желая выбираться из кровати еще минут сорок как минимум.

Он пытался, честно пытался. Купил игрушек, фруктов, конфет и поехал в детскую больницу. Все отдал. И как идиот стоял потом посреди вмиг опустевшего коридора. Дети поблагодарили и разбежались. Говорить с ним и уж тем более играть никто не захотел.

– Вы бы хоть присели, раз пришли, – посоветовала ему пожилая медсестра, наблюдавшая, как он раздавал подарки.

– А стоя нельзя? – огрызнулся Макаров.

Честно? Он был разочарован. Думал, что пройдет все как-то иначе.

– Стоя? – Она вопросительно подняла запущенные брови. – Может, и можно. И стоя можно, и на бегу.

И ушла, сердито поджав вялые губы. И даже халат ее накрахмаленный, казалось, шуршит сердито.

Потом Макаров попытался осчастливить бездомных, собирающихся у пункта благотворительных обедов. Он начал раздавать им деньги. Кому сто рублей, кому двести. Его благодарили, конечно. И тоже тут же расходились. И он даже выговор получил от раздатчиков пищи.

– Что же вы, уважаемый, им даже поесть не дали? – укорила его повариха – молодая девчонка. – Они ведь за алкоголем теперь все ринулись. Все ваши деньги пропьют и кушать не станут. А у них сегодня к тому же банный день. Все испортили...

Все, на этом Макаров со своей затеей завязал. Ну что ему, в самом деле, старушек, что ли, через дорогу переводить?! Или с этой пигалицей рядом становиться на раздачу обедов для бездомных? Не выходило у него ничего. Не выходило навязывать свои добрые дела окружающим. Вот если его кто-нибудь о помощи попросит, тогда уж...

Он снова задремал под стук нудного осеннего дождя. И едва не проспал звонок от Стаса Воронина.

– Отдыхаешь? – с неприкрытой завистью спросил тот. – Спишь небось, капитан Макаров?

– Имею право, в отпуске, – сонно отозвался Виталий, хотя, признаться, был рад звонку коллеги.

– Он спит, а люди тут под дождем мокнут! – заныл Воронин. – Он спит, а нам его участок покрывай.

– Что у тебя, Стасик?

Макаров протяжно зевнул и тут же подумал, что Воронин ему звонит, скорее всего, чтобы похвастать. Помощи просить не станет никогда, даже если и тонуть будет. Если под дождем, значит, на вызове. На вызов Воронин выезжал, если это было убийство. А раз звонит, значит, удалось убийцу взять по горячим следам.

Скукота-а-а...

– Жмур у нас с тобой, Виталя, – порадовал Воронин. – На нашем участке! И где?! В этом гребаном Проклятом доме!

Макаров насторожился, скинул одеяло, сел.

– Что, опять собака? – попытался он пошутить, хотя был уверен – нет.

– Нет, старик на этот раз, Виталя. Уважаемый, почтенный, заслуженный! Тут уже такой хай поднялся, Виталя! Как бы ФБР не пригнали.

– А почему ФБР?

– Потому что дед был академиком какой-то ихней Академии наук. Чикагской, что ли?

– Зашибись. – Макаров почесал макушку. – И как наш академик представился? Может, оступился? Нога застряла в старых половицах, и...

– Нож у него в ребрах застрял, Виталья, а не нога в половицах. Нож застрял, причем после третьего удара в грудь. Вот так-то. – Воронин тяжело вздохнул, отдал кому-то распоряжение снимать оцепление. И тут же с фальшивой печалью произнес: – Жалко старика. В дом-то этот попал по чистой случайности.

– По какой?

Этот вопрос Макарова неожиданно заинтересовал. Раз такой заслуженный деятель, чего же на старости лет оказался в старом Проклятом доме?

– У него в квартире будто бы капитальный ремонт, он попросил городские власти предоставить ему временное жилье. Они и предоставили!

– Да... – протянул озадаченно Виталий, тряхнул головой, разгоняя остатки сна. – Предоставили... Вот судьба, да? Собирался капитально отремонтировать квартиру. Жить собирался. А как вышло?

– Да-а-а... – следом за ним протянул Воронин, снова на кого-то прикрикнул.

Это он в отсутствие Макарова в большого начальника заигрался. Любил он это дело, страсть как любил.

– Ну, а взяли-то кого? – спросил Виталий, встал и пошел в кухню, покурить в форточку.

Когда уходил в неожиданный отпуск, решил, что бросит. Пагубная привычка, нехорошая. И пару дней честно держался. Но после того, как производство добрых дел застопорилось, снова закурил.

– В смысле, взяли? – Воронин сразу занервничал: – Что ты имеешь в виду?

– То, что вы там кого-то арестовали по подозрению в убийстве этого академика, Стас. Чего дурачишься?

– А с чего ты взял, что арестовали? – сразу поскущнел тот.

– А с того, что ты звонишь мне не просто так, Воронин!

– А чего я тебе звоню? – продолжил тот вредничать.

– А звонишь ты мне, Стасик, чтобы похвастаться.

Макаров глубоко затынулся, зажмурился, дым скатился в легкие острым клубком, сделалось почти больно. Зря он все же развязал. Обещал же! Самому себе обещал!

– Чего это мне хвастаться?

– Что вот тебе – такому замечательному – по горячим следам удалось взять убийцу, пока бездельник Макаров в кровати валяется. Разве не так?

Воронин молчал непозволительно долго. Сопел и, по-видимому, хмурился. Он любил хмуриться, тайно полагая, что выглядит при этом внушительно и серьезно. Сейчас, если честно, он злился. Макаров этот вечно сбивал его с толку. Он, словно предсказательница какая, знал все наперед. Вот и его снова раскусил. Он ведь точно собирался хвастаться.

– Так кто предполагаемый убийца, Стасик?

Макаров выбросил в форточку почти целую сигарету, решив, что зарок продолжит, удовольствия никакого не получил, затаившись на голодный желудок.

– Почему это предполагаемый? – фыркнул Воронин. – Убийца стопроцентный, Виталик! Вернее, стопроцентная!

– Рыжая?! – ахнул Макаров.

– Черт! – выругался Воронин. – Вечно ты, Макаров! С тобой вообще неинтересно!

– Стало быть, Рыжая?

– Она, ведьма, – отозвался Стас ворчливо. – Не зря их на костре в Средневековье жгли. Такая... такая, скажу я тебе!

– Как удалось выйти на ее след? – спросил Виталий. – Что, в руке академика была зажата прядь рыжих волос?

– Ладно тебе умничать-то! – обиделся Воронин. – Сделали поквартирный обход. Правильнее сказать, покомнатный. А она спит себе преспокойненько, руки в крови, рукава спортивного костюма, который она сняла перед сном, тоже в крови. Нож из ее кухонного набора, как оказалось. Думаю, что и отпечатки на нем будут ее.

– Логично, раз из ее набора, – недоверчиво покрутил головой Макаров, включил чайник, заглянул в холодильник. – А она что, Стас, дура совсем? Убила старика своим ножом, вся в кровищи, улеглась спокойно спать. Как-то нехорошо пахнет, не находишь?

– Не умничай! – огрызнулся Воронин. – Руки не помыла, скорее всего, из-за того, что свет у них в доме с вечера отключили. Его до сих пор нет, света-то этого! Вернулась к себе, подумала, что...

– А сама-то она что говорит, Стасик?

– В смысле?

– Про то, что подумала, когда в крови спать укладывалась? Когда пошла в ночи блуждать без света по старому дому? Когда до старика бедного со своим кухонным ножом добралась? Она-то что говорит?

– Ничего, – несколько разочарованно бормотнул Воронин. – Забилась в угол, смотрит, как сумасшедшая, и молчит.

– И про то, каким мог быть мотив убийства, вы пока даже не догадываетесь?

– Да иди ты! – вдруг вспылил Воронин и отключился.

А у Макарова тут же пропал аппетит, хотя он уже успел натаскать из холодильника продуктов на стол.

Что за бред? Зачем девушке убивать бедного старика? Что они могли не поделить? Временную прописку? Чужь собачья! И девушка, раз она регулярно, со слов дежурных, ходит по утрам на работу, не производит впечатления безумной. Чего тогда там произошло?

Эх, зря он все же поспешил с рапортом на увольнение. Не написал бы его, не отправили бы его в отпуск. Не был бы в отпуске, сейчас бы находился в гуще событий, а не давился табачным дымом натошак и не готовил бы себе бутерброды из засохшего сыра и недельной колбасы.

Макаров забросил обратно в холодильник продукты, пошел в ванную. Долго брился, долго стоял под душем и все думал и думал про нелепую рыжую девицу. Чем разбужен был его интерес к этому делу, он и сам бы затруднился ответить. Тем, что дом, в котором произошло убийство, имел скверную репутацию? О нем долгие годы ходили ужасные слухи, о десятках замученных там жертв.

Макаров слухам не верил. Сложно предположить, что главный палач царской инквизиции брал работу на дом.

Тем, что убийству предшествовала мерзкая выходка с убийством животного? Сначала собаку оставляют под лестницей черного хода, а потом к утру перетаскивают к парадному крыльцу. Зачем?!

Что-то в этом во всем было отвратительное. Что-то крылось. А что, он пока не мог понять, как ни старался.

Он решил позавтракать в городе. И вышел под октябрьский дождь, настырно не взяв с собой ключей от машины. Накинул на голову капюшон куртки, сунул руки в карманы и медленно побрел, старательно огибая глубокие лужи, присыпанные ржавой листвой.

В доме поселились случайные люди. Те, которым не хватило места после пожара. Случайные или нет? Кто занимался расселением? Может, кому-то очень хотелось попасть именно туда?

Первое, что надлежало выяснить. А не радоваться возможности провести в допросной несколько часов наедине с рыжей девушкой, попенял Макаров Воронину.

Академик...

Его туда поселили случайно или он сам напросился? Может, он хотел попасть именно в этот дом, затеяв ремонт в своей квартире? Это второй вопрос, который Макаров бы стал поднимать, расследуй он это дело.

Третье...

Были ли случайные свидетели? Может, кто-то из домов напротив что-то видел? Многоэтажки там так плотно подобрались к Проклятому дому, что не видеть происходящее за его окнами мог только слепой. Надо искать любопытных из тех, чьи окна выходят на старую усадьбу.

И главное, что он не успел спросить у Воронина: кто обнаружил труп академика? К нему что, по утрам часто гости приходили? Кто вызвал полицию? Кто тот бдительный гражданин?

Вопросов, тревожащих его душу, было множество. И, работай он теперь, непременно начал бы искать на них ответы.

Но он был в отпуске! Он решил творить добро для очищения души, хотя понятия не имел, как к этому делу подступиться. Пока что все его попытки претерпели крах.

Макаров, проплутав почти час, забрел в свое любимое кафе на перекрестке, практически в центре города. Сел за свой любимый столик, заказал любимую лазанью с грибами, чай и оладьи. Пока ждал заказ, рассматривал улицу сквозь заплаканное дождем окно. Десятки, сотни разноцветных зонтов на противоположном тротуаре, соприкасающиеся краями, напомнили Макарову колышущееся пуговичное панно. Пробка из забрызганных грязью машин раскинулась длинным, сердито пытящим спрутом во все стороны перекрестка. Мигали глазки светофора, пытаясь исправить ситуацию, но щупальца автомобильного спрута лишь нервно дергались, не становясь короче. Город прочно замер.

В кафе набилось много народу. От мокрой одежды и зонтов стало влажно и неудобно. Макаров побыстрее закончил с завтраком и почти уже вышел за порог кафе, когда в кармане куртки завозился мобильник.

– Макаров! – окликнул его грозный голос полковника. – Ты?

– Так точно, товарищ полковник. – Виталий шагнул под дождь.

– Ты там не очень-то козырь. Товарищ полковник! – упрекнул его Семен Константинович. – Я, можно сказать, к тебе с неофициальной просьбой, понял? Не как подчиненного хочу попросить, а как... как человека, которому сейчас наверняка не хрена делать. Так ведь?

– Готов помочь, Семен Константинович.

Макаров улыбнулся, смахнул с лица капли дождя – он не успел надеть капюшон, выходя из кафе.

– Так вот какое дело, Макаров... У нас ЧП. Убийство в Проклятом доме. Слышал?

– Воронин звонил, – не стал скрывать Виталий.

– Еще бы! Небось уже дырку в погонах пробивает! – разозлился полковник. – Приволок в отдел какую-то рыжую пигалицу. У той глаза безумные, сидит на стуле, раскачивается, и ни слова. Послали за психологом. Н-да...

Полковник кашлянул раз-другой. Это было верным признаком: то, что он сейчас скажет, ему самому не особо нравится. Но сказать он должен.

– Короче, дело говенное, Макаров. Убитый – большая шишка в научных кругах. Он хоть и давно на пенсии, давно не у дел, но... но мозг за него вынесут по полной программе, будь уверен. И это... – Полковник снова кашлянул раз-другой. – Ты ведь в отпуске, так?

– Могу выйти, – с радостью предложил Макаров.

– Не надо! – тут же прикрикнул на него полковник. – В отпуске и в отпуске, не светись. И Воронин оскорбится. Скажет, не доверяем его профессионализму. Не надо выходить из отпуска, Макаров. Но поработать немного придется. Готов?

– Так точно!

Виталий двинулся против людского потока в противоположную от дома сторону. Через пару кварталов надо было свернуть налево, потом еще через три квартала направо. Потом по прямой метров пятьсот, и упираешься в тесно стоящие многоэтажки. Меж которых настырным прыщом торчит Проклятый дом.

– Сделай доброе дело, Макаров, пошарь там, а? Что-то не верится мне, что эта рыжая пигалица могла хладнокровно заколоть своим кухонным ножом старого профессора, а потом спокойно лечь спать. – Полковник немного помолчал и вдруг признался: – Наверх-то мы уже отчитались, что убийца схвачен. И что ведутся следственные мероприятия, потом дело будет передано в суд. Но... Но что-то как-то мутит меня от этого, Макаров. Никогда особо не печалился на сей счет. А тут... Размяк я что-то после смерти жены, Виталья. Что-то размяк... Разберись там, хорошо? Сделай доброе дело...

Вот оно его и нашло – дело это доброе, которого жаждала его опустошенная душа. И думать не думал, что само его отыщет и что ему ничего выдумывать не придется.

Полковника он прекрасно понимал. Громкое убийство требовало раскрытия, и немедленного. Взята под стражу предполагаемая убийца. Наверх отчитались. Шум поутих. Временно, но поутих. Вернись Макаров сейчас на службу и начни копать, шум поднимется снова. Этого никому не хотелось. Вот отсюда и просьба проверить все в неофициальном порядке. Проверить и убедиться, что у рыжей бестии в самом деле сорвало крышу и она набросилась на пожилого человека с кухонным ножом.

Или убедиться в том, что она этого не делала. Но тихо так убедиться, без шума. Чтобы до того момента, пока не появится новый подозреваемый, наверху ни у кого не возникло сомнений или, упаси господи, нервного тика.

– Сделаю, товарищ полковник, – пообещал Макаров.

– Вот и отлично, Виталья. С моей стороны обещаю всяческое содействие. Будешь в курсе всех дел. Попусту не звони. Но если что-то срочное, звони на этот телефон.

Полковник отключился, а Макаров уже через пять минут стоял у парадного крыльца старого дома.

Щербатые каменные ступеньки были вылизаны октябрьским дождем до глянцевого блеска. Старая дубовая дверь с давно облупившейся краской, почерневшая от времени, была плотно закрыта. Макаров схватился за массивную ручку, потянул на себя. Дверь со скрипом поддавалась, на него пахнуло затхлостью старого жилища. Давно необитаемого жилища, покрывшегося закоксовавшейся пылью, выстуженного ветрами, разрисованного фресками расплзающейся по углам плесени.

«Отвратительное место», – решил Макаров, встав столбом посреди длинного, изогнутого, как старый сморщенный чулок, коридора. Справа от входа дверь была заперта. Слева от входа – чуть приоткрыта, и оттуда несло подгоревшим луком. Над головой трещало перекрытие под тяжелыми шагами сразу нескольких человек.

«Не дай бог, коллеги!» Он тут инкогнито. Макаров подошел к приоткрытой двери, из вежливости пару раз стукнул и тут же вошел, не дождавшись приглашения.

– Че надо?

С кровати, стоявшей почти посреди комнаты, из груды тряпья приподнялась пожилая женщина с распухшим одутловатым лицом. «Пьет, и давно пьет», – решил Макаров.

– Я из полиции. Поговорить надо.

Он плотно прикрыл дверь за своей спиной, прислушался. Шаги прогрохотали к выходу, следом заскрипела входная дверь. И на щербатые ступеньки – Макаров рассмотрел в окно

– вышли мужчина с женщиной и пара подростков. Сразу свернули к автобусной остановке и вскоре исчезли из вида.

– Ваши соседи? Мужчина, женщина и двое пацанов? – спросил Макаров хозяйку комнаты.

– Соседи сверху. Зотовы. Идиоты. Топают, как зебры в джунглях. – Она кряхтя уселась. Внимательно его осмотрела. – А тебя не было утром. Не помню я тебя. Документ покажи.

Макаров подчинился.

– Чего утром не было? – поинтересовалась она. Поискала глазами стул, не нашла, ткнула пальцем в расшатанный табурет: – Присаживайся.

– Спасибо, постою, если вы не против.

Садиться на расшатанный, да еще к тому же заляпанный чем-то табурет Макаров поостерегся. Он сегодня чистые джинсы надел, если что.

– Мне-то че? Стой сколько влезет, – фыркнула она. Поскребла раздутую щеку. – Так чего хотел-то, Макаров Виталий Сергеевич?

– Поговорить о том, что случилось. Вообще поговорить.

– А-а-а, ну-ну. Разговорчивый какой! – Она криво ухмыльнулась. – Я уже все сказала вашим. Я отрубилась сразу, как свет отключили. И проснулась, когда уже ваши затопали. И все! Ничего не знаю.

– Давно вас сюда заселили? – спросил Макаров, рассматривая скудную обстановку комнаты, состоящую из скрипучей старой кровати, стола, табуретки и разваливающегося шкафа в углу.

– Как общаги сгорели, так нас сюда и выперли. Слышь, кому-то сразу квартиру дали. Кому-то дома на четырех хозяев за городом. А нас, как проклятых, в Проклятый дом! Хотя, может, мы и есть проклятые? Все! Кроме зебров этих. – Ее мутные глаза задрались к потолку, на котором трещин было больше, чем речных линий на контурных картах мира.

– Сколько тут жильцов?

– Так... – Она достала из кармана неопределенных грязных одежд заскорузлую ладонь, принялась загибать пальцы: – Я, Оля рыжая, зебры надо мной, профессор над Олькой... был. И еще кто-то, не знаю. Комната рядом с зебрами.

– Как – не знаете? – не понял Макаров. Он аккуратно записывал за женщиной.

– А не видела ни разу. И никто его не видел. Ни профессор, ни Оля. Она еще приста-вала к нам, мол, как так? Ходит как, слышим, а не видели никогда. Все беспокоилась, Оля-то... – Женщина умолкла, глянула на грязное мокрое окно, проговорила с печалью: – Теперь ей за себя надо беспокоиться, Ольке-то... Вот дура, что удумала! И зачем?!

– Вот именно, зачем? – встрял Макаров. – Они вообще между собой общались?

– Кто? – Ее лохматые брови сошлись на переносице.

– Всеволод Валентинович Агапов, – сверился он со своими данными, продиктованными полковником. – И Ольга Викторовна Николаева. Они общались между собой?

– Ну да, как будто. Поначалу-то нет, – исправилась она. – Все жили сами по себе. А тут как-то вечером вой! Да жуткий такой, аж до кишок пробирает. Мы втроем высунулись.

– Кто втроем?

– Оля, профессор и я. И пошли по коридору на вой-то этот. Дом-то, сами, Виталий Сергеевич, знаете, Проклятый! Мы и пошли!

– Не напугались?

– Жутковато было, конечно. Мы ночами-то из комнат не выходили почти. Разве что в уборную. А она рядышком по коридору. Но вой слушать еще страшнее. Мы и пошли, а там животное бедное. И ведро-то, слышь, я поняла, зачем на башку-то надели.

– Зачем?

– Чтобы вой был страшнее! Там, в ведре-то, как эхо, жуть! – Ее плечи, завернутые в странные грязные одежды, содрогнулись. – Пока дошли, собачка-то преставилась. Мы назад пошли. А тут Ольке плохо. Побелела вся. Ну, возле уборной по щекам ее пощелкала, водичкой плеснула. Слышь, начальник... – Ее локоть, вынырнув из тряпья, встал на перекладину спинки кровати. – Не верю я, что Олька-то пырнула профессора. Дурь какая-то! Она от собачки в обморок чуть не грохнулась, а тут живого человека ножом! Да и подружились они в последние дни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.